

Узник неба

Автор:

[Карлос Сафон](#)

Узник неба

Карлос Руис Сафон

Кладбище забытых книг #3

Барселона, конец 1950-х. Даниель Семпере, уже знакомый читателю по роману «Тень ветра», по-прежнему владеет букинистической лавкой, в которой работает его друг Фермин.

Но чем дальше, тем яснее становится Даниелю, что Фермина что-то тревожит...

Так начинается поразительная, трагическая и захватывающая история третьего романа из знаменитого цикла Сафона «Кладбище Забытых Книг»...

Карлос Руис Сафон

Узник Неба

Я всегда знал, что однажды вернусь в этот город, чтобы рассказать историю жизни человека, утратившего имя и душу в сумраке Барселоны, погруженной в кошмарный сон эпохи пепла и молчания. Эти страницы написаны огнем под сенью города проклятых. Они написаны словами, высеченными в памяти человека, восставшего из мертвых с обетом в сердце и ценой проклятия. Занавес поднимается, зрительный зал затихает, и прежде чем теларии опустят тень, распластавшую крылья над его судьбой, на сцену выходит сонм белых духов с весельем на устах. В благословенной своей невинности они верят, что в третьем акте наступит развязка. Они играют спектакль, рождественскую сказку,

не догадываясь, что после того, как будет перевернута последняя страница, дуновение тьмы увлечет героя медленно и неизбежно в пучину мрака.

Хулиан Каракс, «Узник Неба» (Издательство «Люмьер», Париж, 1992)

Carlos Ruiz Zafon

EL PRISIONERO DEL CIELO

Печатается с разрешения компании Shadow Factory S.L. и литературного агентства Antonia Kerrigan Literary Agency.

© Shadow Factory S.L., 2011

© Перевод. Е.В. Антропова, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Часть первая

Рождественская сказка

1

Барселона, декабрь 1957 года

В канун Рождества рассветы больше напоминали сумерки, дни занимались серые, словно облитые свинцом и подернутые флером инея. Полумрак окрашивал город в сизый цвет, пешеходы спешили по улицам, кутаясь до бровей в теплые пальто, своим дыханием прокладывая туманные тропинки в морозном воздухе. Очень немногие прохожие задерживались у витрины букинистического магазинчика «Семпере и сыновья», и еще меньше было смельчаков, осмелившихся войти, чтобы спросить заветную заблудившуюся книгу. И если оставить лирику и обратиться к суровой прозе жизни, такая покупка могла бы поправить шаткое материальное положение нашей книжной лавочки.

– Думаю, сегодня нас ждет удачный день. Судьба изменится к лучшему, – объявил я, воодушевленный первой утренней чашечкой кофе, ибо этот напиток являет собой саму бодрость и оптимизм в разжиженном виде.

Отец, с восьми утра сражавшийся с бухгалтерской книгой и мухлевавший потихоньку с помощью карандаша и ластика, поднял голову над прилавком. С печалью провожая взглядом потенциальных покупателей, которые пронеслись мимо витрины и исчезали вдаль со скоростью ветра, он вздохнул:

– Да услышат тебя небеса, Даниель. Если дела будут идти так и дальше, мы проиграем рождественскую кампанию и в январе не сможем заплатить даже за электричество. Нужно срочно что-то придумать.

– Вчера Фермина осенила блестящая мысль, – сообщил я. – Он считает, что изобрел гениальный план по спасению магазина от неминуемого банкротства.

– Господи, пронеси.

Я процитировал своего друга дословно:

– Может, если хорошенько разукрасить витрину мужским исподним, нам удастся заманить и убедить потратиться какую-нибудь экзальтированную дамочку, любительницу любовной литературы и острых ощущений. Сведущие люди говорят, что будущее литературы в руках женщин, и хвала Господу, что еще лишь предстоит родиться рабе Божьей, которая будет способна сопротивляться земным влечениям своего возвышенного тела, – с чувством продекламировал я.

У меня за спиной со стуком упал на пол отцовский карандаш. Я повернулся и добавил:

- Фермин dixit[1 - Говорит (лат.). - Здесь и далее примеч. пер.].

Я полагал, что отца повеселит оригинальная придумка Фермина. Однако отец не издал ни звука, и, не дождавшись отклика, я с интересом покосился на него. Семпере-старшему забавный план Фермина явно не показался нелепым и, более того, поверг его в глубокую задумчивость. Отец сидел с таким видом, словно собирался отнестись к нему всерьез.

- Ну и ну, пожалуй, Фермин попал в точку, - пробормотал он.

Я недоверчиво воззрился на него. Напрашивалась мысль, что финансовая засуха, терзавшая нас последние недели, все-таки повредила рассудок моего родителя.

- Только не говори, что ты позволишь мне шастать в подштаниках по магазину.

- Нет-нет, я не о белье. Я имею в виду витрину. Заговорив об украшении витрины, ты подал мне хорошую мысль. Возможно, мы еще успеем спасти рождественские продажи.

Я оторопело наблюдал, как он поспешно скрылся в подсобном помещении магазина и вскоре появился вновь, облаченный в свою парадную зимнюю униформу. В экипировку входили неизменные пальто, шарф и шляпа, памятные мне еще с детства. Беа не раз высказывала подозрения, что отец не покупал себе одежду с 1942 года. Судя по всему, моя жена не ошибалась. Натягивая перчатки, отец рассеянно улыбался, и глаза его горели детским восторгом. Как правило, столь бурный энтузиазм вызывали у него лишь грандиозные начинания.

- Я оставляю тебя ненадолго, - предупредил он. - Хочу отлучиться по делам.

- Можно узнать, куда ты собрался?

Отец подмигнул:

- Сюрприз. Скоро сам узнаешь.

Я проводил отца до двери и видел, как он решительным шагом направился к перекрестку с улицей Врата Ангела, влившись в серый поток пешеходов, тяжело кативший свои волны сквозь зиму – еще одну долгую зиму, окутанную тенью и припорошенную пеплом.

2

Оставшись в одиночестве, я не мог упустить столь благоприятный случай и включил радио. Я не прочь побаловать себя хорошей музыкой, переставляя по своему усмотрению книги на полках. Но мой отец считал дурным тоном, если в магазине, где находились покупатели, звучало радио. Если же я включал приемник в присутствии Фермина, тот принимался напевать саэты[2 - Песнопения в одном из стилей фламенко.], оседлав любую мелодию, или, того хуже, пускался в пляс, передающий, как он выражался, «чувственные карибские ритмы», чем доводил меня до белого каления. Учитывая все эти отягчающие обстоятельства, я пришел к выводу, что мне следует умерить свою тягу к прекрасному. Иными словами, я мог наслаждаться радиоэфиром лишь в те считанные минуты, когда в торговом зале не оставалось ни души – кроме меня и десятков тысяч книг.

Радиостанция «Барселона» транслировала в то утро запись великолепного концерта, который ровно три года назад играл трубач (!) Луи Армстронг со своим оркестром в гостинице «Виндзор палас» на проспекте Диагональ. Запись эта была сделана нелегально каким-то коллекционером-любителем. В рекламных паузах диктор силился интерпретировать музыкальный язык «жасса» (то есть джаза), предупреждая, что отдельные импровизированные синкопы могут оказаться трудными для восприятия и резать слух отечественным слушателям, чей вкус формировался под влиянием тонадильи, болеро и новых песен в стиле йе-йе, весьма ныне популярных и часто звучавших в эфире.

Фермин частенько повторял, что если бы дон Исаак Альбенис родился черным, джаз изобрели бы в Кампродоне[3 - Город в Каталонии, где родился композитор Исаак Альбенис.], как и галеты в жестяной коробке. По его мнению, джаз наравне с бюстгальтерами-конусами (в каких щеголяла обожаемая им Ким Новак в некоторых своих картинах, мы посмотрели их все на утренних сеансах в кинотеатре «Фемина») принадлежал к числу весьма ограниченного количества

достижений человечества в XX столетии. И я не имел причин ему возражать.

До середины дня я сибаритствовал, наслаждаясь великолепной музыкой и волшебным запахом книг. Меня охватило чувство приятного покоя и удовлетворения, какое приносит обычно работа, выполненная на совесть.

Фермин взял с утра отгул, чтобы, по его словам, закончить предварительную подготовку к свадьбе с Бернадой, которая была назначена на начало февраля. Впервые он заговорил о женитьбе всего две недели назад, и мы дружно сказали ему, что он слишком торопится, а спешка до добра не доводит. Отец попытался убедить его отложить бракосочетание хотя бы месяца на два-три, доказывая, что свадьбы полагается играть летом, в теплую погоду. Однако Фермин упорно не желал менять дату, ссылаясь на то, что он, как человек, продубленный сухим зноем нагорий Эстремадуры, начинает истекать потом с наступлением на средиземноморском побережье лета, по его определению – субтропического. Как он заявил, ему совсем не улыбалось праздновать свою свадьбу с мокрыми пятнами размером с яичницу под мышками.

Я начал склоняться к мысли, что произошло, должно быть, нечто экстраординарное, если Фермин с юношеским пылом рвался под венец. Тот самый Фермин Ромеро де Торрес, который являлся воплощением гражданского сопротивления Святой Матери Церкви, ревностному благочестию и благопристойности, процветавшим в Испании пятидесятых годов, исправно слушавшей мессу и послушно смотревшей выпуски официальной кинохроники. В предсвадебном угаре Фермин дошел до крайности, подружившись с новым настоятелем церкви Санта-Ана доном Хакобо. Этот священник, уроженец Бургоса, отличался фривольными взглядами и повадками отставного боксера. Фермин ухитрился заразить его своей необузданной страстью к домино. По воскресеньям после мессы они стучали костяшками по выдавшей виды стойке в баре «Адмирал». Священник от души хохотал, когда мой друг, пропустив рюмочку-другую ароматного ликера, дотошно допытывался у него, точно ли у монашек есть ляжки, а если все-таки ляжки имеются, правда ли, что они столь нежные и аппетитные, как он воображал в отрочестве.

– Вы добьетесь того, что вас отлучат от церкви, – увещевал Фермина мой отец. – Монахиням нельзя строить глазки, их не полагается трогать.

– Но парень-то почти такой же озорник, как и я, – оправдывался Фермин. – Эх, если бы не сутана...

Я как раз вспоминал этот разговор, подпевая трубе маэстро Армстронга, когда послышалось холодноватое позвякивание колокольчика, висевшего над входной дверью. Я поднял голову, приготовившись встретить отца, вернувшегося из своего тайного паломничества, или Фермина, готового заступить на вахту.

– Добрый день, – раздался с порога глухой, надтреснутый голос.

З

В дверном проеме, заполненном дневным светом с улицы, силуэт гостя напоминал ствол дерева, исковерканный ветром. Посетитель был одет в темный костюм старомодного покроя и опирался на трость, являя собой фигуру мрачную и зловещую. Он прошел вперед, заметно хромя. Небольшая настольная лампа, стоявшая на прилавке, осветила лицо, изборожденное временем. Посетитель изучал меня некоторое время, неторопливо оценивая. Цепкий взгляд придавал ему сходство с хищной птицей, терпеливой и расчетливой.

– Вы сеньор Семпере?

– Меня зовут Даниель. Сеньор Семпере – мой отец, но его сейчас нет. Я могу вам чем-то помочь?

Посетитель проигнорировал вопрос и принялся расхаживать по магазину, изучая его пядь за пядью с торгашеским любопытством, граничившим с алчностью. Донимавшая его тяжелая хромота невольно побуждала строить предположения, насколько серьезные увечья скрывались под одеждой.

– Память о войне, – проронил незнакомец, словно прочитав мои мысли.

Я с интересом наблюдал за блужданиями посетителя по магазину, уже догадываясь, где он бросит якорь. Как я и предполагал, незнакомец остановился у застекленной витрины из черного дерева. Это антикварное изделие мы

считали реликвией, ибо первые упоминания о нем восходили к началу существования магазина в его первой инкарнации. В 1888 году мой прадедушка Семпере – в то время молодой человек, только вернувшийся из странствий по Карибскому архипелагу и отказавшийся от полной приключений карьеры «индейца», – взял займы денег для покупки старой галантерейной лавочки, чтобы превратить ее в букинистический магазин. Старинный шкафчик служил у нас как бы доской почета, где мы обычно хранили самые ценные издания.

Посетитель подошел к витрине так близко, что его дыхание затуманило стекло. Вынув очки, он поднес их к глазам и принялся внимательно изучать содержимое полка. Повадками он напомнил мне ласку, которая плотоядно обнюхивает свеженькие яйца в курятнике.

– Красивая вещь, – пробормотал гость. – Должно быть, стоит немало?

– Это семейная реликвия, и в этом прежде всего состоит для нас ее ценность, – ответил я. Меня покорило меркантильный подход и поведение этого странного посетителя: казалось, взглядом он рассчитывал даже стоимость воздуха, которым мы дышали. Вскоре он убрал очки и промолвил скучным тоном:

– Как я слышал, у вас работает некий сеньор, известный остро слов?

Поскольку я задержался с ответом, он повернулся и одарил меня тем выразительным взглядом, встретившись с которым человек может легко в одночасье поседеть.

– Вы, наверное, поняли, что я нахожусь тут один. Если ваша милость назовет заглавие книги, которую хотели бы приобрести, я охотно ее поищу.

Незнакомец выстрелил в ответ улыбкой, выражавшей что угодно, но только не дружелюбие, и кивнул:

– Я заметил, что на вашей драгоценной витрине стоит экземпляр «Графа Монте-Кристо».

Он был не первым покупателем, кто обратил внимание на эту библиографическую редкость. И я скормил ему дежурный текст, заготовленный

у нас для подобных случаев:

– У сеньора хороший вкус. Речь об издании великолепном, раритетном, с вклеенными иллюстрациями Артура Рэкхема[4 - Артур Рэкхем (1867–1939) – английский художник-график.]. Оно поступило к нам из личного собрания известного мадридского коллекционера. Книга воистину уникальна и внесена во все значимые каталоги.

Посетитель равнодушно слушал меня, сосредоточенно изучая рисунок волокон черного дерева на дверцах витрины, ясно давая понять, что мои речи его утомляют.

– По мне, так все книги одинаковы, но мне нравится синий цвет ее обложки, – пренебрежительно обронил он. – Я ее беру.

В иных обстоятельствах я запрыгал бы от восторга, окрыленный перспективой всучить покупателю, пожалуй, самую дорогую книгу в магазине. Но мне почему-то претила мысль, что чудесное издание окажется в руках типа, от одного вида которого меня передергивало. Внутренний голос подсказывал, что если книга сейчас покинет эти стены, то канет в небытие, и больше никто ее никогда не откроет.

– Издание очень дорогое. Если угодно, я могу показать другие выпуски этого романа, они находятся в прекрасном состоянии и продаются по умеренной цене.

Люди с мизерной душой норовят унижить других, в свою очередь представляя их духовными карликами. Незнакомец, чья душа, по моим ощущениям, могла бы легко уместиться на острие булавки, облил меня жгучим презрением.

– У них тоже синяя обложка, – добавил я.

Он оставил без внимания дерзость моей иронии.

– Нет, благодарю. Я хочу именно эту книгу. Цена меня не волнует.

Я кивнул и неохотно приблизился к витрине, достал ключ, открыл застекленную дверцу. Спиной я чувствовал колючий взгляд незнакомца.

– Все хорошее всегда оказывается под замком, – заметил тот вполголоса.

С глубоким вздохом я взял томик с полки.

– Вы коллекционер, сеньор?

– Можно сказать и так. Впрочем, я не библиофил.

Я повернулся к нему с книгой в руках.

– Что сеньор собирает?

Незнакомец опять проигнорировал мои слова и протянул руку за книгой. Я стойко боролся с охватившим меня желанием вернуть издание в шкаф и выбросить ключ. Отец не простил бы, если бы я сорвал выгодную продажу, учитывая, в какой финансовой дыре мы очутились ныне.

– Издание стоит тридцать пять песет, – заявил я с вызовом, оттягивая момент расставания с книгой. В глубине души я надеялся, что высокая цена заставит неприятного незнакомца отказаться от покупки.

Покупатель кивнул и, не моргнув глазом, вытащил банковский билет достоинством в сто песет из кармана костюма, не стоившего, наверное, даже дура. У меня закрались сомнения, что банкнота настоящая.

– Боюсь, у меня нет сдачи с такой крупной купюры, сеньор.

Я мог бы предложить незнакомцу подождать, пока я сбегаю в ближайший банк, чтобы разменять деньги и заодно убедиться, что они не фальшивые, однако мне не хотелось оставлять его в магазине без присмотра.

– Не волнуйтесь. Деньги настоящие. Знаете, как это проверить? – Незнакомец поднял банкноту и посмотрел на свет. – Видите водяные знаки? И полоски. Текстура...

– Сеньор разбирается в фальшивках?

- В этом мире фальшиво все, молодой человек. Все, кроме денег.

Он вложил банкноту мне в руку и, сомкнув мою ладонь в кулак, слегка похлопал по нему.

- Сдачу примите в счет моего следующего визита, - сказал он.

- Это очень большая сумма, сеньор. Шестьдесят пять песет...

- Мелочь.

- В любом случае я напишу вам расписку.

- Я вам верю.

Незнакомец с безразличной миной полистал книгу.

- Я купил книгу в подарок и хочу попросить вас вручить ее указанному лицу.

Я замялся:

- Обычно мы не развозим покупки, но в вашем случае с удовольствием доставим бандероль по нужному адресу. Можно уточнить, получатель живет здесь, в Барселоне, или?..

- Именно тут, - процедил он.

В ледяном взгляде тенью проскользнула застарелая черная злоба.

- Сеньор не желает сделать дарственную надпись или приложить визитную карточку прежде, чем я упакую книгу?

Покупатель неловко раскрыл роман на титульной странице. Лишь тогда я заметил, что вместо левой руки у него протез, раскрашенная фарфоровая имитация кисти. Незнакомец достал авторучку и черкнул пару строк. Потом он вернул мне книгу и, развернувшись вполоборота, заковылял к выходу. Я с

недоумением смотрел ему вслед.

– Не будете ли вы так любезны назвать мне имя вашего друга и адрес, по которому необходимо доставить подарок? – спросил я вдогонку.

– Там все найдете, – отозвался он, не потрудившись остановиться.

Я открыл книгу на странице, где незнакомец оставил автограф:

«Фермину Ромеро де Торрес, который восстал из мертвых и хранит ключ от будущего.

13».

В этот миг звякнул дверной колокольчик, и я встрепенулся – незнакомец ушел.

Я поспешил к двери и выглянул на улицу. Покупатель удалялся, сильно хромя и помалу сливаясь с силуэтами, бороздившими плотные слои сизого тумана, пеленой висевшего над улицей Санта-Ана. Я собрался было окликнуть незнакомца, но вовремя придержал язык. Правильнее и проще всего было позволить ему уйти подобру-поздорову, однако интуиция, а также склонность к опрометчивым поступкам и безрассудство одержали надо мной верх.

4

Я повесил на дверь табличку «Закрето» и повернул ключ в замке, исполненный решимости проследить за незнакомцем в толпе, понимая, что это сулит мне неприятности. Отец, рискнувший оставить на меня магазин, да еще в разгар кризиса продаж, наверняка сделал бы мне выговор, обнаружив по возвращении, что я дезертировал с поста. Но я надеялся, что успею придумать по дороге приемлемое оправдание. Из двух зол я выбрал меньшее, решив, что легче стерпеть ворчание отца, чем гложащее беспокойство, овладевшее мной при

встрече со страшным калекой. Моя тревога усиливалась от того, что я не мог знать, какие именно счета были у незнакомца с Фермином.

У продавца книг в силу его профессии очень мало возможностей освоить на практике тонкое искусство слежки за подозрительным типом, оставаясь при этом незамеченным. При условии, что большая часть покупателей не принадлежит к числу злостных должников, чаще всего свои познания он черпает из собраний полицейских рассказов и романов (по песете за штуку), заполняющих полки в его магазине. Сутана не сделает человека священником, тогда как преступление или подозрительное происшествие способны мгновенно превратить его в детектива, особенно если он – любитель криминальных историй.

Следуя по пятам за незнакомцем в сторону бульвара Рамбла, я старательно вспоминал основные правила для начинающего сыщика и прилежно их придерживался. Для начала я отстал от него метров на пятьдесят, держась за спинами более корпулентных прохожих и заранее присматривая убежище вроде ниши портала или магазинчика, куда можно юркнуть, если объект наблюдения остановится и неожиданно обернется. Дойдя до бульвара, незнакомец перешел дорогу и по центральной аллее двинулся в сторону порта. Бульвар был сплошь увит традиционными рождественскими гирляндами, витрины многочисленных лавочек были украшены огоньками, звездами и фигурками ангелов и предвещали процветание, которое, как обещало радио, ожидало нас вскорости.

В те годы Рождество все еще сохраняло аромат тайны и загадки, присущий сказке. Радуга в снежной пыли, оживленные лица людей, живущих в молчаливой тоске, придавали разноцветному убранству некое подобие подлинности, заставляя поверить в сказку хотя бы детей или тех, кто научился забывать.

Наверное, поэтому с особой ясностью я увидел, что в рождественской мистерии не было персонажа, выглядевшего менее празднично на общем радостном фоне, чем объект моего преследования. Неспешно хромая, он шел по бульвару, часто задерживаясь у зоокиосков и цветочных прилавков и разглядывая попугаев и розы с таким восторгом, словно никогда их раньше не видел. Пару раз он притормаживал у бесчисленных газетных палаток, вращал стойки с открытками и развлекался чтением заголовков газет и журналов. Казалось, будто прежде он ни разу не бывал на бульваре, ибо вел себя подобно ребенку или туристу, впервые очутившемуся на Рамбла. Впрочем, для детей и туристов характерен такой вид простодушной наивности и беспомощной растерянности, когда от

обилия впечатлений глаза разбегаются. Что же касается моего объекта, то здесь простодушием или невинностью и не пахло, даже получи он благодать от младенца Иисуса, под надвратной скульптурой которого он только что прошел, минуя церковь Богоматери Вифлеемской.

Заинтересовавшись вдруг какаду с роскошным оперением бледно-розового цвета, хромой остановился. Попугай косо поглядывал на него из клетки, выставленной на одном из лотков с живностью в начале улицы Пуэртаферриса. Незнакомец подошел к клетке с таким же видом, с каким он давеча приблизился к антикварному шкафу в букинистической лавке, и принялся что-то нашептывать какаду. Птица была великолепна в своем шикарном оперении, с большой головой и размахом крыльев, как у каплуна. Она выжила в облаке смрадного дыхания хромого и внимала ему охотно и сосредоточенно, явно заинтересовавшись его словами. В ответ, чтобы развеять возможные сомнения, она быстро закивала головой: от возбуждения хохолок из розовых перьев встал торчком на макушке.

Через пару минут незнакомец, удовлетворенный диалогом с пернатым, продолжил путь. Секунд через тридцать я тоже прошел мимо этой палатки и стал свидетелем небольшого переполоха – смущенный продавец суетливо накрывал клетку полотняным колпаком, поскольку птица, восхищая превосходной дикцией, принялась скандировать речитативом: «Франко, скотина, чтоб пропала твоя мужская сила». И я совершенно точно знал, где попугай почерпнул эту свежую мысль. Во всяком случае, незнакомец продемонстрировал, что обладает своеобразным чувством юмора и весьма опасными политическими взглядами, в ту эпоху не менее редкими, чем мини-юбки.

Эта интермедия отвлекла мое внимание. Потеряв хромого из виду, я решил, что безнадежно его упустил, однако вскоре заметил мрачную фигуру, сгорбившуюся у витрины ювелирного магазина Багес. По бокам от входа во дворец вице-королевы располагались будочки писарей. Я осторожно подкрался к одной из них и, спрятавшись, стал внимательно наблюдать за калеккой. Глаза его сверкали, как рубины, а вид благородного золота и драгоценных камней за пуленепробиваемым стеклом будто повергал в сладострастный трепет и томление. Сомнительно, что столь сильные чувства сумел бы пробудить в нем целый букет молоденьких певичек из кабаре «Ла Криолла» в пору его наивысшего расцвета.

– Что желаете, молодой человек? Любовное письмо, ходатайство, прошение к его превосходительству, весточку о добром здравии родственникам в деревню?

Писарь, занимавший будку, послужившую мне укрытием, выглядывал из тесной конурки с видом исповедника, преисполненный желанием оказать услугу.

Табличка, прибитая над окошком, гласила:

«Освальдо Дарио де Мортенссен

Писатель и философ

Предлагаются любовные письма, исковые заявления, завещания, поэмы, инвективы, поздравления, прошения, извещения, гимны, дипломные работы, апелляции, ходатайства и прочие сочинения в любом стиле и жанре.

Одна строчка – десять сентимов (стихи рассчитываются по отдельному тарифу).

Вдовам, инвалидам и несовершеннолетним – скидки».

– Итак, юноша? Любовное послание, от которого зрелые красавицы промочат нижние юбки соками желания? Лично для вас я сделаю специальную скидку.

Я показал ему обручальное кольцо. Писарь Освальдо пожал плечами, сохраняя невозмутимость.

– Наступила новая эпоха, – возразил он. – Если бы вы знали, сколько мужей и жен протоптали сюда дорожку...

Я снова прочитал объявление. Оно вызывало какую-то смутную ассоциацию, которую мне никак не удавалось уловить.

– Ваше имя мне кажется знакомым...

- Я знавал лучшие времена. Возможно, некогда вы его слышали.

- Оно настоящее?

- Nom de plumme[5 - Литературный псевдоним (фр.)]. Художник выбирает имя сообразно своему предназначению. В моем свидетельстве о рождении записано: «Женаро Ребольо». Скажите на милость, кто доверит сочинять любовные письма человеку с подобным именем... Итак, как вам предложение дня? Хотите отправить письмо пылкой страсти?

- В другой раз.

Писарь обреченно вздохнул. Проследив за направлением моего взгляда, он нахмурился. На его лице отразилось любопытство.

- Наблюдаете за хромым, да? - вырвалось у него.

- Вы его знаете? - спросил я.

- Уже с неделю он тут крутится. Прилипает к витрине ювелирного магазина и совершенно шалает, как будто вместо колец и ожерелий за стеклом выставлена задница Красотки Дориты, - пояснил Освальдо.

- Вы с ним хоть раз разговаривали?

- На днях мой коллега набело переписывал для него письмо. Вроде у старика не хватает пальцев...

- Кто именно? - упорствовал я.

Писарь неуверенно посмотрел на меня. Он опасался, что лишится потенциального клиента, дав честный ответ.

- Луисито. Вон он сидит напротив, у музыкального магазина «Бетховен», парень с лицом семинариста.

В знак благодарности я предложил Освальдо немного денег, но он отказался их взять.

– Я зарабатываю на жизнь пером, а не длинным языком. Болтунов у нас и так пруд пруди. Если у вас когда-нибудь возникнет проблема грамматического свойства, я всегда на месте.

Он вручил мне визитную карточку, повторявшую слово в слово объявление, висевшее на киоске.

– Я работаю с понедельника по субботу, с восьми до восьми, – уточнил он. – Освальдо, рыцарь пера, к услугам вашим. В эпистолярном жанре мне нет равных.

Я убрал в карман карточку и поблагодарил сочинителя за помощь.

– Не упустите голубчика, – предупредил он.

Я обернулся и увидел, что незнакомец вновь тронулся в путь. Я поспешил вслед и прошагал за ним по бульвару Рамбла вплоть до входа в здание рынка Бокерия. Там он задержался, чтобы полюбоваться рядами ломившихся от изобилия прилавков и оживленной толпой: люди сновали туда и обратно, выкладывая свой товар или выбирая среди выставленной на обозрение всякой всячины самое лучшее. Следующий привал объект сделал в баре «Пиночо». С трудом доковыляв до стойки, старик с большой прытью вскарабкался на один из высоких табуретов. В течение получаса он силился продегустировать яства, которые подносил обслуживавший его подавальщик Хуанито. Мне показалось, что по состоянию здоровья незнакомец не мог отдать должное кухне этого заведения, излишества явно были ему противопоказаны. Скорее всего он просто жадничал с насытых глаз, например, заказывая тапас[6 - Общее название легких закусок.] и платилью[7 - Мясной салат с зеленью и сладким перцем.], к которым едва притронулся, верно, горько сожалея о тех временах, когда ничто не мешало ему с аппетитом поесть. Рецепторы во рту не умеют наслаждаться вкусом деликатесов, они лишь воспринимают и отмечают его. Вконец измученный вынужденным гастрономическим воздержанием, не желая больше довольствоваться компенсаторным счастьем, глядя, как лакомятся, облизываясь, другие люди, незнакомец оплатил счет. Он вновь пустился в плавание, продрейфовав до устья улицы Ospital, где по воле неповторимой геометрии

Барселоны соседствовали один из крупнейших оперных театров старой Европы и один из самых злачных и запущенных городских кварталов Северного полушария.

5

Во второй половине дня экипажи военного флота и торговых судов, пришвартованных в порту, обычно совершали набег на бульвар Рамбла, мечтая утолить разнообразные желания. Учитывая спрос, подтягивалось и предложение: на углу занимал позиции эскадрон продажных женщин. Выглядели дамы не лучшим образом, а точнее, как заезженные клячи, чей вид мог мгновенно остудить пыл самого неразборчивого мужчины. Я с брезгливой жалостью освидетельствовал обтянутые узкими юбками синюшные варикозные ноги, на которые было больно смотреть, и увядшие лица. Весь их облик свидетельствовал о том, что поезд прибыл на конечную станцию, абсолютно никому уже не внушая игривых мыслей. Я решил, что столь неаппетитная наживка сгодится только для моряков, проплававших в открытом море много месяцев. Однако, к моему изумлению, хромой удостоил вниманием парочку этих нимф, трченных временем и начисто забывших о цветении весны, и принялся охотно с ними любезничать, словно они были красотками первоклассного кабаре.

– Давай, дружок, я обниму тебя, и ты сразу помолодеешь лет на двадцать, – расслышал я слова сирены, годившейся в бабушки писарю Освальдо.

«Твое объятие его убьет», – подумал я. Незнакомец благоразумно отклонил предложение.

– Не теперь, красавица, – отозвался он и двинулся в глубь квартала Раваль.

Мы прошли вперед еще метров сто, потом он сбавил шаг, притормозив у тесного темного портала напротив пансиона «Европа». Старик исчез за входной дверью, и, выждав полминуты, я последовал за ним.

Переступив порог, я очутился у подножия сумрачной лестницы, терявшейся в недрах дома. Зловонная сырость наполняла помещение, указывая на явные проблемы с канализацией. Здание напоминало корабль, накренившийся на левый борт и готовый в любой миг затонуть в пучине катакомб Равалья. К стене вестибюля прилепилось нечто вроде каморки консьержа. Неопрятный тип с торчавшей изо рта зубочисткой, в майке с подтяжками, коротал время в ней в компании с транзистором, настроенным на радиостанцию, вещавшую о корриде. Портье обратил на меня вопросительный и довольно неприветливый взгляд.

- Вы пришли один? - уточнил он с недоумением.

Не требовалось большого ума, чтобы сообразить, что я забрел в доходный дом, где меблированные комнаты сдаются на час. Необычным в моем появлении было лишь то, что я пришел не под ручку с Венерой из дряхлого патруля на углу.

- Если хотите, я пришлю вам девочку, - предложил портье, доставая упакованное полотенце, брусок мыла и предмет, который я опознал как резинку или похожее средство профилактики in extremis[8 - На крайний случай (лат.)].

- На самом деле я только хотел спросить, - начал я.

Портье закатил глаза.

- Двадцать песет за полчаса - и резвая кобылка в вашем распоряжении.

- Соблазнительно. Может, как-нибудь в другой раз. Все, что я хотел узнать, это не поднимался ли наверх минуты две назад один сеньор. В преклонном возрасте, не в лучшей форме. Он пришел один. Без кобылки.

Портье нахмурился. По его лицу я понял, что он мгновенно разжаловал меня из клиентов в назойливые приставалы.

- Никого я не видел. Иди отсюда, уматывай, пока я не позвал Торнета.

Нетрудно было догадаться, что этот Торнет гостеприимством не отличался. Я выложил на стойку свои последние деньги и дружелюбно улыбнулся консьержу. Купюра исчезла в одну секунду, словно была насекомым, а пальцы опытного

наперсточника – языком хамелеона. Только ее и видели.

– Что вас интересует?

– Упомянутый сеньор живет здесь?

– Он снял комнату неделю назад.

– Вам известно его имя?

– Он заплатил за месяц вперед, так что я его не расспрашивал.

– Вы знаете, откуда он прибыл и чем занимается?

– У нас не исповедальня. Людям, которые приходят сюда поразвлечься, мы не задаем вопросов. А этот даже не развлекается. Может, он утешается фантазиями.

Я обдумал ситуацию.

– Время от времени старик ненадолго выходит, а после прогулки возвращается. Иногда он просит прислать ему в комнату бутылку вина, хлеб и немного меда. Больше мне нечего добавить. Он хорошо платит и молчит как рыба.

– Вы уверены, что не произносилось никаких имен?

Портье отрицательно качнул головой.

– Ладно. Спасибо, извините за беспокойство.

Я собрался уходить, когда портье снова подал голос.

– Ромеро, – промолвил он.

– Простите?

– Мне показалось, он назвался Ромеро или как-то так...

– Ромеро де Торрес?

– Точно.

– Фермин Ромеро де Торрес? – недоверчиво повторил я.

– Именно. До войны вроде был тореро, которого так звали? – неуверенно проговорил портье. – То-то мне почудилось, что я это имя где-то слышал...

6

Я возвращался в книжный магазин, пребывая в куда большем смятении, чем до того, как покинул его. Писарь Освальдо приветливо помахал мне рукой, когда я проходил мимо дворца вице-королевы.

– Повезло? – спросил он.

Я удрученно покачал головой.

– Попробуйте побеседовать с Луисито. Возможно, он вспомнит что-то полезное.

Я послушался совета и приблизился к будке Луисито. Молодой человек в тот момент чистил свою коллекцию перышек. Заметив меня, он улыбнулся и предложил сесть.

– Что желаете написать? Любовь или работа?

– Меня прислал ваш коллега Освальдо.

– Наш учитель, – изрек Луисито, которому не было еще, наверное, и двадцати пяти. – Великий ученый, которого мир не оценил по заслугам. И потому он тут, на улице, служит словом невежеству.

– Освальдо обмолвился, что однажды вы выполняли заказ пожилого сеньора, хромого и сильно искалеченного. У него нет одной кисти руки и не хватает нескольких пальцев на другой.

– Я его помню. Одноруких я всегда запоминаю. Из-за Сервантеса, как вы понимаете.

– Конечно. А не могли бы вы сказать, какое дело привело его к вам?

Луисито заерзал на стуле, расстроенный оборотом, который принимал наш разговор.

– Послушайте, у нас тут все равно что исповедальня. Неразглашение тайны и профессиональная этика – прежде всего.

– Я понимаю. Но дело очень серьезное, так уж вышло.

– Насколько серьезное?

– Достаточно. Под угрозой благополучие очень дорогих для меня людей.

– Да, но...

Луисито вытянул шею и постарался поймать взгляд Освальдо, сидевшего на противоположной стороне улицы. Я заметил, как тот кивнул, и Луисито расслабился.

– Сеньор принес письмо и хотел, чтобы его переписали набело, хорошим почерком, поскольку с его руками...

– И в том письме говорилось...

– Я почти не помню содержание, ведь мы каждый день составляем множество писем...

– Напрягитесь, Луисито. Ради наследия Сервантеса.

– Рискую перепутать его письмо с заказом другого клиента, осмелюсь все же предположить, что речь шла о крупной сумме денег. Увечный сеньор намеревался получить или вернуть состояние или что-то в этом духе. И еще упоминался какой-то ключ.

– Ключ?

– Верно. Но не уточнялось, какой именно ключ – гаечный, скрипичный или от дверного замка.

Луисито улыбнулся, довольный, что подвернулся повод блеснуть остроумием, да и просто поболтать.

– Больше ничего не помните?

Луисито облизнул губы и впал в задумчивость.

– Он сказал, что, по его мнению, город сильно изменился.

– Изменился в каком смысле?

– Не знаю. Изменился. На улицах больше нет трупов.

– Трупы на улицах? Он так и сказал?

– Если память меня не подводит...

7

Я поблагодарил Луисито за информацию и прибавил шаг, втайне надеясь, что мне повезет добраться до букинистической лавки раньше, чем отец вернется из похода и обнаружит мое отсутствие. Табличка «Закрето» все еще висела на двери. Я открыл магазин, снял табличку и чинно встал за прилавок, нисколько не

сомневаясь, что ни один покупатель даже не приближался к витрине нашей лавочки за те сорок пять минут, что я бегал по городу.

Работы у меня не оказалось, и от праздности я принялся раздумывать, как теперь поступить с романом «Граф Монте-Кристо» и каким образом завести о нем речь с Фермином, когда тот явится в лавку. Мне не хотелось волновать его понапрасну, если дело того не заслуживало, но визит незнакомца и мои бесплодные попытки выяснить, что он замышлял, не давали мне покоя. В иной ситуации я выложил бы другу правду как на духу, без всяких уверток. Однако в данном случае интуиция подсказывала, что следует действовать чрезвычайно деликатно. В последнее время Фермин заметно приуныл, неизменно пребывая в скверном расположении духа. Я же, в свою очередь, изо всех сил пытался поднять ему настроение неуклюжими шутками, хотя мне ни разу не удалось развеселить его.

– Фермин, не оставляйте столько пыли на книгах, иначе скоро начнут говорить, что вместо «розовой» беллетристики я предлагаю «черную», – говорил ему я, намекая на романы в жанре «нуар». Так стали называть детективную литературу о преступлении и наказании, которая в некачественных переводах просачивалась к нам по капле из-за границы.

У Фермина мои жалкие потуги сострить не вызвали даже сострадательной улыбки, и в ответ он не упускал случая произнести очередную апологию скорби и мерзости бытия.

– В будущем все романы окрасятся в черный цвет. Поскольку от второй половины нынешнего кровавого века так и несет ложью и преступлением, если использовать это слово в качестве эвфемизма. И дух фальши, несомненно, станет главным лейтмотивом конца столетия, – заявлял он.

«Ну, начинается, – думал обычно я. – Апокалипсис в пророчестве Св. Фермина Ромеро де Торреса».

– Напрасно вы так, Фермин. Вам следует чаще бывать на солнце. Вы увидите мир другими глазами, так как витамин D укрепляет веру в будущее.

– Так и выходит, что какая-нибудь тоскливая книжонка стихов одного из выкормышей Франко подается как шедевр мировой литературы, хотя ее не

сбудут с рук ни в одном книжном магазине дальше Мостолеса[9 - Город вблизи Мадрида.], - продолжал он.

В минуты, когда Фермин предавался пессимизму, лучше было не давать ему новой пищи для размышлений.

- А знаете, Даниель, порой мне кажется, что Дарвин ошибся. На самом деле человек произошел от свиньи, так как в восьми из десяти гоминидов[10 - Гоминиды (лат. hominidae) - большие человекообразные обезьяны, относятся к семейству высоко развитых приматов, к этому семейству принадлежит и человек.] сидит свиная колбаса, дожидаясь своего звездного часа, - философствовал он.

- Фермин, мне нравится больше, когда вы проповедуете гуманизм и склонны во всем искать положительную сторону. Как тогда, помните, когда вы сказали, что у человека в глубине души нет зла, им просто владеет страх.

- Наверное, я был не в себе. Ужасная глупость.

Весельчак Фермин, о котором я вспоминал с удовольствием, внезапно исчез, а его место занял человек, истерзанный бедами и заботами, которыми он не желал ни с кем делиться. Порой, когда Фермин думал, что его никто не видит, он буквально съеживался на глазах, словно его душу и сердце точила неизбывная тоска. Фермин исхудал так, что от него остались только кожа да кости, и его болезненный вид начал внушать серьезные опасения. Я пытался потолковать с ним, но он категорически отрицал, что тому есть какая-то причина, и вываливал целый ворох немыслимых объяснений.

- Не о чем и говорить, Даниель. Просто все дело в том, что всякий раз, когда «Барса» продувает в чемпионате страны, у меня падает давление. Кусочек ламанчского сыра[11 - Или манчего - твердый овечий сыр.], и я снова здоров как бык.

- Точно? Вы ведь в жизни не ходили на футбол.

- Это вам так кажется. Мы с Кубалой[12 - Ладислав Кубала (1927-2002) - венгерский, чехословацкий и испанский футболист и тренер.] практически выросли вместе.

– Но я же вижу, что вы превратились в мощи. Вы либо больны, либо совершенно о себе не заботитесь.

В ответ он продемонстрировал мне бицепсы величиной с крупный булыжник и широко улыбнулся, как будто торговал вразнос зубным порошком.

– Вы только пощупайте. Закаленная сталь, тверже меча Сида[13 - Родриго Диас де Бивар (1040(44?)–1099) – Эль Сид Кампеадор, полководец и политик, легендарный герой Реконкисты, известны два меча Сида – Тисона (более знаменитый клинок) и Колада.].

Отец связывал неважный вид Фермина с его переживаниями из-за свадьбы и всего того, что это событие влечет за собой, включая братание с клиром и поиски ресторана или закусочной, чтобы устроить банкет. Однако я подозревал, что причина его уныния и скверного самочувствия имеет более глубокие корни. Поэтому теперь меня одолевали сомнения, как поступить: рассказать ли Фермину сразу об утреннем происшествии и передать подарок незнакомца или дождаться более благоприятного момента? Как раз когда я размышлял на эту тему, Фермин появился в дверях со столь постной миной, с какой не стыдно было бы поприсутствовать и на панихиде. Заметив меня, он выдавил улыбку и вскинул руку, словно салютуя мне шпагой.

– Рад вас видеть, Фермин. Я думал, вы уже не придете.

– Я шел мимо лавочки часовщика, и дон Федерико позабавил меня нелепой сплетней. Будто бы сеньор Семпере был замечен сегодня утром на улице Пуэртаферриса, вид он имел интригующий, а его курс и конечный пункт остались неизвестны. Дон Федерико и эта дура Мерседитас интересовались у меня, не завел ли сеньор Семпере подружку, что теперь стало модно среди здешних торговцев, и не из шансонеток ли девица, так как в интрижке с певичкой находят особый шик.

– А вы? Что вы ответили?

– Я ответил, что ваш достопочтенный отец, будучи примерным вдовцом, возвратился в состояние первородной невинности. Сей факт, бесспорно, представляет огромный интерес для научного сообщества, а ваш батюшка

заслуживает того, чтобы в архиепископстве начали собирать документы для его ускоренной канонизации. Личную жизнь сеньора Семпере не обсуждаю ни с родными, ни с чужими, потому как она никого не касается, кроме него самого. А тем, кто попытается подъехать ко мне с базарными разговорами, я надаю оплеух – и дело с концом.

– Вы человек старой закалки, Фермин.

– Ваш отец – вот кто человек старой закалки, Даниель. Правда, между нами, если быть откровенным, ему не повредило бы гульнуть разочек-другой. Торговля у нас идет ни шатко ни валко. Так, спрашивается, зачем ему целыми днями сидеть в четырех стенах в подсобке в обнимку с египетской «Книгой мертвых»?

– Это бухгалтерская книга, – поправил я.

– Не важно. Если честно, я уже давно считаю, что нам стоит завалиться в «Эль Молино» и покутить на всю катушку. И хотя в таких вещах наш бравый шеф холоднее мороженой рыбы и пресен, как капустаная паэлья, полагаю, встряска с дерзкой горячей девицей проймет его до печенок.

– Кто бы говорил? И смех и грех! Если уж говорить начистоту, то меня беспокоите именно вы, – возмутился я. – Последнее время вы стали похожи надохлую муху в паутине.

– А вы ведь прибегли к очень точному сравнению, Даниель. Хоть у мухи и не имеется болтливой милашки вопреки фривольным правилам бестолкового общества, жить в котором нам выпал жребий, но ваш покорный слуга, как и несчастное членистоногое, наделен беспримерным инстинктом выживания, неумной прожорливостью и львиным любострастием, которого не убудет даже в условиях высочайшей радиации.

– С вами спорить невозможно, Фермин.

– Друг мой, что касается меня, я настроен на диалектический лад и готов задать перцу при малейшем подозрении на неискренность или на желание обвести меня вокруг пальца, но ваш отец – цветок хрупкий и нежный, и полагаю, что настало время взять дело в свои руки, пока он окончательно не превратился в ископаемое.

– И какое же это дело, Фермин? – вдруг раздался у нас за спиной голос отца. – Только не говорите, что замышляете устроить мне обед с Росиито.

Мы обернулись, словно проказливые школьники, пойманные на месте преступления. Отец сурово взирал на нас с порога, и в этот миг он решительно не походил на хрупкий нежный цветок.

8

– А вы откуда знаете о Росиито? – пробормотал Фермин вне себя от удивления.

Отец, насладившись в полной мере эффектом от своего неожиданного появления и нашим испугом, дружелюбно нам улыбнулся и подмигнул.

– Я превращаюсь в ископаемое, но слух у меня пока хороший. Слух и голова. Посему я решил, что необходимо кое-что предпринять, дабы оживить торговлю, – заявил он. – Поход в «Эль Молино» подождет.

Лишь тогда мы обратили внимание, что отец вернулся навьюченный двумя довольно большими мешками. В руках он держал здоровенную коробку, завернутую в упаковочную бумагу и перевязанную толстой веревкой.

– Надеюсь, ты не обчистил соседний банк? – вырвалось у меня.

– От банков я как раз стараюсь держаться как можно дальше, поскольку, как правильно говорит Фермин, они не упустят случая обчистить тебя. А пришел я с рынка Санта-Лусия.

Мы с Фермином в замешательстве уставились друг на друга.

– Вы не хотите мне помочь с покупками? Они тяжелые, как кирпичи.

Вдвоем с Фермином мы принялись выгружать содержимое мешков на прилавок, в то время как отец распаковывал коробку. Мешки были набиты мелкими

предметами, завернутыми для сохранности в бумагу. Фермин распотрошил один из кулечков и ошеломленно воззрился на то, что извлек из него.

- И что там? - любопытствовал я.

- Я сказал бы, что это половозрелый осел в масштабе один к ста, - отозвался Фермин.

- Кто?

- Ишак, осел, онагр, домашнее животное, четвероногое и непарнокопытное, которое мирно бороздит ландшафты нашей родной Испании, появляясь то там, то тут. Однако он представлен в миниатюре, вроде игрушечных вагончиков, которые продает фирма «Палау», - пояснил Фермин.

- Глиняный осел, фигурка для вертепа, - объявил отец.

- Какого еще вертепа?

Вместо ответа отец открыл картонную коробку и вынул монументальный макет Яслей Христовых с подсветкой. Я тут же сообразил, что он вознамерился поместить свое приобретение в витрине магазина в качестве рождественской приманки. Фермин между тем уже распаковал нескольких волов, верблюдов, свинок, уток, царей Востока, пальмы, фигурки Св. Иосифа и Девы Марии.

- Покориться ярму национал-католицизма, использовать его лукавые приемы обольщения, выставляя всякие статуэтки и подыгрывая слащавым легендам, не представляется мне решением проблемы, - высказался Фермин.

- Не говорите чепухи, Фермин. Это красивая традиция. Людям приятно видеть вертепы в Рождество, - отрезал отец. - Букинистическому магазину недостает ярких красок, капельки радости, что совершенно необходимо в праздничные дни. Посмотрите на другие магазины в квартале - и вы поймете, что наш в сравнении с ними выглядит как похоронное бюро. Давайте пособите мне поднять вертеп на витрину. И уберите с подиума кипы законов Мендисабалья о дезамортизации[14 - Хуан Альварес Мендисабаль (1790-1853) - испанский политик, участник буржуазных революций. Занимая пост министра финансов,

проводил политику дезамортизации, т. е. распродажи земель, принадлежавших церкви.], которые распугивают покупателей.

- Приехали, - пробормотал Фермин.

Втроем нам удалось втащить ясли в витрину и расставить фигурки по местам. Фермин помогал неохотно, хмурился и пользовался любым предлогом, чтобы выразить свое несогласие с затеей.

- Сеньор Семпере, не в обиду вам, но младенец Иисус в три раза больше своего мнимого папаши и с трудом помещается в колыбели.

- Ничего страшного. Фигурки поменьше на базаре закончились.

- Мне кажется, или около Пречистой Девы действительно пристроился японский борец из тех, у кого проблемы с лишним весом, прилизанные волосы и трусы, обмотанные вокруг пояса?

- Борцы сумо, - подсказал я.

- Именно, - согласился Фермин.

Отец со вздохом покачал головой.

- А еще посмотрите на его глаза. Похоже, что он одержимый.

- Ради Бога, Фермин, немедленно замолчите и подсоедините вертеп к сети, - велел отец, протягивая ему провод.

Фермин, в очередной раз продемонстрировав чудеса ловкости, ухитрился проскользнуть под возвышением, на котором стояли ясли, и дотянулся до розетки, находившейся в конце прилавка.

- Да будет свет, - провозгласил отец, с воодушевлением созерцая новый сверкающий вертеп букинистической лавки «Семпере и сыновья». - Обновление или смерть, - с удовлетворением добавил он.

– Смерть, – буркнул Фермин себе под нос.

Не прошло и минуты с момента торжественного подключения иллюминации, как мамочка с тремя детьми остановилась у витрины, чтобы полюбоваться на ясли. Затем, поколебавшись немного, она отважилась войти в магазин.

– Добрый день, – поздоровалась она. – У вас есть рассказы о жизни святых?

– Конечно, – ответил отец. – Позвольте предложить вам «Сборник рождественских рассказов», не сомневаюсь, что ваши дети будут в восторге. Издание богато иллюстрировано и снабжено предисловием дона Хосе-Мария Пемана, ни много ни мало.

– Ой, как хорошо. Дело в том, что в наши дни очень трудно найти по-настоящему добрые книги, которые поднимали бы настроение. Такие, где нет преступлений, смертей и всех этих проблем, которых решительно никто не понимает... Вы так не думаете?

Фермин закатил глаза. Он собрался что-то сказать, но я успел его остановить и оттащил подальше от покупательницы.

– Полагаю, вы правы, – согласился отец. Он искоса наблюдал за моими действиями и незаметно подавал знаки, умоляя связать Фермина и заткнуть ему рот, поскольку ни за что на свете не хотел потерять эту клиентку.

Я затолкал Фермина в служебное помещение и плотно задернул занавеску, предоставляя отцу возможность спокойно завершить продажу.

– Фермин, не знаю, какая муха вас укусила. Я, конечно, уважаю ваши чувства, раз уж традиция ставить вертепы противоречит вашим убеждениям. Однако если окажется, что младенец Иисус размером с трамбовочный каток и стадо глиняных свиной сделают отца счастливым и вдобавок привлекут в магазин покупателей, я попросил бы вас поставить на прикол корабль экзистенциализма и сделать вид, будто вы млеете от восторга, по крайней мере в рабочие часы.

Фермин, повздыхав, покаянно опустил голову.

– Не сердитесь, друг мой Даниель, – сказал он. – Вы уж меня простите. Ради спасения магазина, а главное, чтобы порадовать вашего отца, я готов, если потребуется, совершить паломничество в Сантьяго, обрядившись в костюм тореро.

– Будет достаточно, если вы скажете отцу, что находите удачной затею с вертепом, и продолжите в том же духе.

Фермин кивнул.

– Этого мало. Во-первых, я извинюсь перед сеньором Семпере за неподобающий тон, а во-вторых, в знак раскаяния пополню вертеп фигуркой, чтобы показать, что рождественскому духу не страшны даже большие универсальные магазины. У меня есть приятель в подполье, который мастерит каганеры доньи Кармен Поло де Франко[15 - Каганеры – фигурки человечков, справляющих большую нужду. Часто такие статуэтки изображают известных людей. Дарить и ставить каганеры в вертеп является распространенной традицией в Каталонии.]. Они выглядят так реалистично, что просто оторопь берет.

– А ограничиться агнцем или царем Валтасаром вам не по силам?

– Как скажете, Даниель. А теперь, если не возражаете, я сделаю что-нибудь полезное. Например, распечатаю коробки с собранием вдовы Рекасенс, они уже с неделю собирают пыль в чулане.

– Вам помочь?

– Не беспокойтесь. Занимайтесь своими делами.

Я проводил его взглядом: Фермин направился в кладовую, находившуюся в дальней части служебного помещения, и начал облачаться в синий рабочий халат.

– Фермин, – окликнул я.

Он обернулся, глядя на меня вопросительно. Я замялся на миг.

– Сегодня случилось одно происшествие. Я хотел бы рассказать вам о нем.

– Расскажите.

– Даже не знаю, с чего начать. Вас кое-кто разыскивал.

– Она была хорошенькой? – спросил Фермин, пытаясь придать беседе шутливый тон, хотя ему не удалось скрыть тень тревоги, затуманившую взгляд.

– Приходил мужчина. Достаточно пожилой и немного странный, если честно.

– Он не назвался? – поинтересовался Фермин.

Я покачал головой:

– Нет. Но он оставил для вас подарок.

Фермин нахмурился. Я протянул ему книгу, которую незнакомец купил пару часов назад. Фермин взял ее и с недоумением повертел в руках, изучая переплет.

– Разве это не тот Дюма, что выставлен у нас в шкафу за семь дуро?

Я подтвердил, что тот самый.

– Откройте титульный лист.

Фермин послушно выполнил мое указание. Прочитав дарственную надпись, он резко побледнел и с трудом проглотил комок в горле. Зажмурившись на миг, друг молча посмотрел на меня. Мне показалось, будто за пять секунд он постарел на пять лет.

– Когда посетитель вышел из магазина, я проследил за ним, – откровенно признался я. – Неделю назад он поселился в дрянных меблированных комнатах на улице Оспиталь, в доме, что напротив пансиона «Европа». Насколько мне удалось выяснить, он живет под чужим именем, а именно под вашим: Фермин

Ромеро де Торрес. Я узнал от одного из каллиграфов у дворца вице-королевы, что старик давал переписать начисто письмо, в котором шла речь о большой сумме денег. Вам все это о чем-нибудь говорит?

Фермин поник и съежился, будто каждое слово моего рассказа падало на его голову, как удар дубины.

– Даниель, чрезвычайно важно, чтобы вы не вступали в разговоры с этим типом и больше не следили за ним. Ничего не предпринимайте. Держитесь от него подальше. Он очень опасен.

– Кто он, Фермин?

Фермин закрыл книгу и спрятал ее на стеллаже за ящиками. Опасливо покосившись в сторону торгового зала и убедившись, что отец все еще занят с покупательницей и не услышит нас, Фермин приблизился ко мне и прошептал:

– Пожалуйста, не рассказывайте о происшествии вашему отцу и вообще никому.

– Фермин...

– Сделайте милость, я прошу во имя нашей дружбы.

– Но, Фермин...

– Умоляю, Даниель. Не теперь. Поверьте мне.

Я неохотно кивнул и показал ему сотенную купюру, которой со мной расплатился незнакомец. Не было нужды объяснять Фермину ее происхождение.

– Это проклятые деньги, Даниель. Пожертвуйте их монахиням на благотворительность или отдайте первому встречному нищему на улице. А еще лучше – сожгите.

Фермин умолк и принялся снова переодеваться. Сняв рабочий халат, он натянул свой истрепанный макинтош и нахлобучил берет на свою маленькую головку, словно оплавившуюся и напоминавшую паэльеру[16 - Специальная сковорода с

двумя ручками для приготовления национального испанского блюда – паэли.], изображенную Сальвадором Дали.

– Уже уходите?

– Передайте вашему отцу, что у меня открылись неожиданные обстоятельства. Вы окажете мне такую любезность?

– Конечно, но...

– Сегодня я не смогу вам ничего объяснить, Даниель.

Он прижал руку к животу, как будто у него скрутило кишки, и принялся жестикулировать второй, словно пытаюсь поймать на лету слова, которые так и не сорвались с языка.

– Фермин, может, вам станет легче, если вы поделитесь со мной...

Фермин задумался на миг, потом безмолвно покачал головой и вышел на лестничную клетку. Я проводил его до выхода из подъезда и смотрел, как он удаляется под морозящим дождем: всего лишь человек, на плечи которого легла вся тяжесть мира. А тем временем на Барселону уже надвигалась ночная мгла, которая была чернее черного.

9

Научно доказано, что любой младенец нескольких месяцев от роду способен безошибочно почувствовать тот самый критический момент среди ночи, когда родителям удалось наконец задремать. Тогда он поднимает рев, чтобы взрослые ни в коем случае не продряхли дольше тридцати минут кряду.

В ту ночь, впрочем, почти как всегда, малыш Хулиан пробудился около трех, о чем не замедлил оповестить во всю силу легких. Я открыл глаза и повернулся. Рядом со мной лежала Беа, и ее кожа светилась в полумраке. Медленно просыпаясь, жена потянулась плавным движением, позволявшим угадать

контуры стройного тела под простыней, и что-то неразборчиво пробормотала. Я подавил естественное желание поцеловать любимую в шею и стянуть с нее бронированную ночную рубашку до пят, которую тесть подарил ей на день рождения, без сомнения, не без умысла. Никакими ухищрениями я не сумел добиться, чтобы этот аксессуар затерялся в грязном белье.

– Я уже встаю, – прошептал я, целуя жену в лоб.

В ответ Беа повернулась ко мне спиной и накрыла голову подушкой. Я замер, с наслаждением созерцая изящные изгибы спины и сладкий спуск к ягодицам, которые не могли спрятать никакие рубашки в мире. Почти два года я прожил в браке с этим загадочным созданием и все еще испытывал изумление, ощущая его тепло подле себя в момент пробуждения. Я осторожно отвернул простыню и погладил бархатистое бедро сзади. Мне в руку тотчас вонзились острые ногти Беа.

– Не сейчас, Даниель. Ребенок плачет.

– Так и знал, что ты не спишь.

– Невозможно заснуть, когда живешь в одном доме с мужчинами, которые то плачут, то подкрадываются с тыла к несчастной женщине. Бедняжке не удастся за ночь и двух часов поспать.

– Ты еще пожалеешь.

Я вскочил и бегом направился по коридору в комнату Хулиана, располагавшуюся в глубине квартиры. Вскоре после свадьбы мы обосновались в мансарде дома, где находилась наша букинистическая лавка. Преподаватель колледжа, дон Анаклето, занимавший это жилье в течение двадцати пяти лет, решил уйти на пенсию. Профессор вернулся в родную Сеговию, чтобы писать пряные стихи в тени арок акведука и осваивать науку приготовления жареного молочного поросенка.

Младенец Хулиан встретил меня пронзительным плачем на высокой частоте, угрожавшей прободением барабанных перепонок. Я взял малыша на руки и, понюхав пеленку, убедился, что на сей раз не случилось никаких неожиданностей. Далее я проделал все, что полагается делать неопытным

молодым папашам в здравом уме, то есть начал бормотать чушь и приплясывать по комнате, выкидывая нелепые коленца. Погрузившись в транс, я не сразу заметил Беа, которая стояла на пороге и наблюдала за мной с неодобрением.

- Дай мне, так ты разбудишь его окончательно.

- А вот он не жалуется, - возразил я, передавая жене младенца.

Беа прижала сына к груди и, тихонько напевая, принялась нежно его укачивать. Ровно через пять секунд Хулиан перестал плакать и расплылся в восторженной улыбке, всегда появлявшейся на его мордашке при виде матери.

- Иди, - шепнула мне Беа. - Я скоро.

Итак, мне наглядно продемонстрировали, что я не способен справиться даже с грудным младенцем. Изгнанный из детской, я вернулся в спальню и вытянулся на кровати, не сомневаясь, что теперь не сомкну глаз до утра. Вскоре в дверях появилась Беа. Глубоко вздохнув, она устроилась рядом.

- Я падаю с ног.

Я обнял ее, и мы немного полежали молча.

- Я вот тут подумала... - начала Беа.

«Трепещи, Даниель», - мелькнула у меня мысль. Беа приподнялась и уселась на постели на корточках.

- Когда Хулиан немного подрастет, мама сможет сидеть с ним днем. И я решила, что тогда начну работать.

Я одобрительно кивнул.

- Где?

- В книжном магазине.

Я предусмотрительно промолчал.

– Считаю, что вам моя помощь не повредит, – добавила она. – Твоему отцу уже не по силам заниматься делами весь день. И не обижайся, но мне кажется, что я лучше общаюсь с покупателями, чем вы с Фермином. По-моему, он в последнее время просто отпугивает людей.

– Мне бы не хотелось это обсуждать.

– А что, собственно, случилось с беднягой? На днях я встретила на улице Бернарду, и она разрыдалась у меня на груди. Я отвела ее в одну из кондитерских на улице Петричол, где, налегая на сдобные булочки, она пожаловалась, что Фермин ведет себя очень и очень странно. Похоже, несколько дней назад он отказался заполнить в приходе документы для венчания. Сдается мне, что так не женятся. Он тебе ничего не говорил?

– Ничего особенного я не заметил, – солгал я. – Возможно, Бернарда слишком давит на него...

Беа молча смотрела на меня.

– Что случилось? – спросил я наконец.

– Бернарда просила никому не говорить.

– Что именно не говорить?

Беа не сводила с меня глаз.

– То, что в этом месяце у нее задержка.

– Задержка? Она что, составила график подготовки к свадьбе?

Беа посмотрела на меня как на идиота, и меня вдруг осенило.

– Бернарда беременна?

- Говори тише, ты разбудишь Хулиана.

- Так она беременна? - повторил я едва слышно.

- Возможно.

- А Фермин знает?

- Она не хочет ему пока говорить. Боится, что он пустится наутек.

- Фермин никогда бы так не поступил.

- Все мужчины так поступили бы, будь у них возможность.

Меня изумил ее железный тон. Правда, она тотчас подсластила его кроткой улыбкой, от которой растаял бы кто угодно.

- Как плохо ты нас знаешь.

Беа выпрямилась в полумраке и, без лишних слов стянув через голову рубашку, отбросила ее на край кровати. Позволив полюбоваться собой несколько мгновений, она медленно склонилась надо мной и неспешно провела языком по моим губам.

- Как же плохо я вас знаю, - прошептала она.

10

На следующий день стало ясно, что рекламный ход с сияющим разноцветными огнями рождественским вертепом оправдал самые смелые ожидания. Впервые за много недель отец улыбался, делая записи о продажах в бухгалтерской книге. Вскоре после открытия стали понемногу приходить покупатели: и старые клиенты, давно не заглядывавшие в магазин, и новые, посетившие нас впервые. Я предоставил отцу вести переговоры с посетителями и с удовольствием

наблюдал, как он наслаждался, со знанием дела предлагая им книги, стремясь пробудить интерес к чтению и угадывая их предпочтения и вкусы. День обещал выдаться удачным, особенно на фоне последних месяцев.

– Даниель, нужно принести коллекцию иллюстрированной классики для детей. Издания «Вертисе», с голубым корешком.

– Кажется, эти книги в подвале. У тебя есть ключи?

– Беа недавно просила их у меня, чтобы снести вниз какие-то детские вещи. По моему, она не вернула мне связку. Посмотри в ящике.

– Там ключей нет. Я сбегая домой и поищу.

В магазин очень кстати вошел кабальеро, пожелавший приобрести путеводитель по историческим кафе Барселоны. Оставив отца заниматься с ним, я вышел через служебное помещение на лестницу. Мансарда, где обитали мы с Беа, находилась на самой верхотуре, и за обилие в ней света приходилось платить подъемами и спусками по лестнице, укреплявшими дух и ноги. По дороге я встретил Эдельмиру – вдову, жившую на четвертом этаже. Бывшая балерина Эдельмира зарабатывала на жизнь рисованием ликов Богородицы и святых. Годы, проведенные на подмостках театра «Арнау», уничтожили ее коленные суставы, и теперь ей приходилось хвататься обеими руками за перила, чтобы одолеть лестничный пролет. Но несмотря на трудности, вдова всегда улыбалась и не скупилась на комплименты.

– Как поживает твоя красавица жена, Даниель?

– Ее красота не сравнится с вашей, донья Эдельмира. Помочь вам спуститься?

Эдельмира, по обыкновению, отвергла помощь и передала поклон Фермину, который охотно расточал ей любезности и всякий раз делал неприличные предложения, когда она проходила мимо.

Открыв дверь квартиры, я почувствовал аромат духов Беа, еще витавший в воздухе, и своеобразный коктейль запахов, исходящий от детей и их attrezzo[17 - Принадлежности (ит.)]. Беа вставала рано и вывозила Хулиана на прогулку в

новенькой коляске «Жане», подаренной нам Фермином. Мы называли этот детский экипаж «мерседесом».

– Беа? – окликнул я жену.

Квартира была маленькой, и эхо моего возгласа вернулось раньше, чем я успел закрыть за спиной дверь. Беа уже ушла. Я встал посреди столовой и попытался воссоздать ход мыслей своей супруги, вычисляя, куда она могла деть ключи от подвала. Начал с ревизии ящиков буфета, где хранились квитанции, письма, ждавшие ответа, и мелкие деньги. От буфета я перешел к столикам, фруктовым вазам и этажеркам.

Из столовой перешел на кухню, где стояла горка, куда Беа складывала листки со всякими записями и напоминаниями себе. Судьба не была ко мне благосклонна, и в итоге я очутился в спальне перед нашей кроватью. Озираясь по сторонам, я пустил в ход все свои аналитические способности. Вещи Беа занимали семьдесят пять процентов полезного объема в шкафу, ящиках и прочих местах, предназначенных для хранения барахла. Обосновывала она подобную несправедливость тем, что гардероб мой небогат, я ношу всегда одно и то же, поэтому уголка в платяном шкафу мне вполне хватит. Система, согласно которой заполнялись ящики, оказалась за гранью моего понимания. Осматривая места, зарезервированные для личных вещей жены, я испытывал легкие уколы совести, однако ревизия не принесла успеха – обшарив всю мебель, попавшуюся на глаза, я так и не нашел ключей.

«Еще раз реконструируем события», – сказал я себе. Смутно я припоминал, как Беа недавно обронила что-то насчет коробки с летними вещами, которую вроде бы следовало снести вниз. Причем сказала она это всего пару дней назад. Если меня не подводила память, в тот момент жена была одета в серое пальто – мой подарок на первую годовщину нашей свадьбы. Я улыбнулся, гордый своими дедуктивными способностями, и открыл шкаф, чтобы поискать пальтишко среди верхней одежды супруги. Оно там и висело. Отцовские ключи, если я верно усвоил уроки Конан Дойла и его последователей, должны были покоиться в одном из карманов серого пальто. Запустив руку в правый, я обнаружил две монеты и горсть мятных леденцов, какие обычно дарят в аптеках. Я принялся за левый карман и с радостью убедился, что моя догадка оказалась верна. Пальцы нащупали связку ключей. И кое-что еще.

В кармане пальто лежал листок бумаги. Я вынул ключи и, поколебавшись, решил достать и бумажку. Отчего-то мне показалось, что это один из списков нужных покупок, которые Беа всегда составляла перед походом по магазинам, чтобы не упустить ни одной мелочи.

Изучив находку внимательнее, я увидел, что держу в руках конверт. Письмо. Письмо, отправленное на имя Беатрис Агилар неделю назад, судя по штемпелю. И послали его на адрес родителей Беа, а не нашей квартиры на улице Санта-Ана. Я перевернул конверт, и ключи от подвала выскользнули у меня из пальцев, когда я прочитал имя корреспондента: «Пабло Каскос Буэндиа».

Я сел на кровать и в растерянности уставился на конверт. Пабло Каскос Буэндиа считался женихом Беа, когда любовь вскружила нам голову. Отпрыск очень состоятельного семейства, владевшего судовыми верфями и заводами в Эль-Ферроле, этот персонаж, никогда не вызывавший у меня добрых чувств (взаимно, впрочем), в то время служил в армии в чине младшего лейтенанта. С тех пор как Беа написала ему о разрыве помолвки, он ни разу не появлялся у меня на горизонте. До настоящего момента.

Что делало свежее письмо от бывшего жениха Беа в кармане ее пальто? Конверт был вскрыт, но целую минуту щепетильность не позволяла мне вытащить письмо. Получалось, что я тайком шпионил за Беа, и, сознавая низость подобного поведения, я испытывал сильное желание вернуть письмо на место и бежать из спальни со всех ног. Правда, благочестивый порыв длился не дольше нескольких секунд. Последние проблески чувства вины и стыда бесследно исчезли прежде, чем я дочитал до конца первого абзаца:

«Дорогая Беатрис, надеюсь, ты чувствуешь себя хорошо и счастлива, окунувшись в новую жизнь в Барселоне. В течение многих месяцев я не получал от тебя ответа на свои письма и порой задавался вопросом, что я натворил, почему ты отворачиваешься от меня. Я понимаю, что ты замужняя женщина, мать, и, наверное, не следовало бы мне писать тебе. Вынужден покаяться, что не могу забыть тебя, как я ни старался, хотя прошло уже немало времени. И я не стыжусь откровенно признаться, что по-прежнему люблю тебя.

В моей жизни тоже произошли перемены. Год назад я занял должность коммерческого директора крупного издательства. Я знаю, что ты любишь книги, и возможность работать с ними позволяет мне чувствовать себя ближе к тебе. Мой кабинет находится в представительстве фирмы в Мадриде, но я часто езжу

в интересах дела по всей Испании.

Я неотступно думаю о тебе, о той жизни, которую мы могли бы вести, о детях, которые могли бы у нас родиться... Меня постоянно терзают сомнения, способен ли твой муж сделать тебя счастливой, не решилась ли ты выйти за него под давлением обстоятельств. Я не могу поверить, что тебя устраивает та скромная жизнь, которую он в состоянии тебе предложить. Я хорошо знаю тебя. Мы были друзьями и возлюбленными, и между нами не оставалось никаких тайн. Помнишь ли ты, как мы проводили вечера на пляже в Сан-Поле? Помнишь, какие планы мы строили, о чем мечтали вместе, в чем клялись друг другу? Ни с кем я не чувствовал себя так хорошо, как с тобой. После разрыва нашей помолвки я встречался с разными девушками и теперь твердо уверен, что ни одна из них не сравнится с тобой. Когда я целую в губы другую женщину, я думаю о твоих устах. Каждый раз, когда я глажу кожу другой женщины, то словно чувствую под пальцами твою.

Через месяц я рассчитываю приехать в Барселону, чтобы посетить филиалы издательства и провести серию переговоров с персоналом о предстоящей реструктуризации. В действительности я мог бы решить все формальные вопросы с помощью почты и телефона. Истинная причина моего путешествия в том, что я надеюсь на встречу с тобой. Я знаю, ты решишь, что я сошел с ума. Но я предпочитаю выглядеть в твоих глазах безумцем, только бы ты не подумала, будто я забыл тебя. Я приеду двадцатого января и остановлюсь в отеле «Ритц» на Гран-Виа. Очень прошу тебя, давай увидимся, пусть ненадолго, чтобы я мог высказать тебе все, что у меня на сердце. Я заказал столик на двоих в ресторане гостиницы на двадцать первое число. Я буду ждать тебя там. Если ты придешь, ты сделаешь меня счастливейшим человеком на свете, и я пойму, что моя мечта вернуть твою любовь имеет шанс осуществиться.

Навеки твой Пабло».

Некоторое время я сидел в оцепенении на постели, которую делил с Беа всего несколько часов назад. Я пошевелился, чтобы вернуть письмо в конверт, и, встав, почувствовал себя так, словно меня только что нокаутировали. Я бросился в ванную комнату, и меня стошнило в раковину выпитым с утра кофе. Пустив из крана холодную воду, я умылся. Из зеркала на меня смотрело лицо того прежнего Даниеля, шестнадцатилетнего мальчика, у которого дрожали руки, когда он впервые обнял Беа.

Отец вопросительно посмотрел на меня и укоризненно покосился на часы, когда я наконец вернулся в магазин. Полагаю, он недоумевал, чем я занимался последние полчаса, но я не стал ничего ему объяснять. Избегая его взгляда, я протянул отцу связку ключей от подвала.

– Разве ты сам не сходишь в подвал за книгами? – удивился он.

– Да, конечно, извини. Сейчас спущусь.

Отец украдкой наблюдал за мной:

– С тобой все в порядке, Даниель?

Я кивнул, сделав вид, что удивлен вопросом, и прежде, чем отец успел его повторить, поспешил в подвал за собранием, которое требовалось поднять наверх. Вход в подвал скрывался под первым лестничным пролетом в дальнем конце вестибюля нашего дома. За железной дверью, запиравшейся на висячий замок, начиналась крутая лестница, которая спиралью ввинчивалась в темноту; пахло сыростью и чем-то неопределенным, навевавшим мысли о свежей пашне и увядших цветах. Под потолком тянулась короткая гирлянда тускло мерцавших лампочек, чье мертвенное свечение воскрешало в шахте тревожную атмосферу бомбоубежища. Я спустился по ступеням и, очутившись внизу, провел рукой по стене, нащупывая выключатель. Желтоватый фонарь вспыхнул у меня над головой, осветив очертания помещения, которое являлось всего-навсего кладовой, страдавшей манией величия. Скелеты ржавых бесхозных велосипедов, окутанные паутиной картины, картонные коробки, громоздившиеся на разбухших от сырости деревянных стеллажах, создавали декорацию, не располагавшую задерживаться в подвале дольше необходимого. Обозрев безрадостную панораму, я вдруг осознал, как странно повела себя Беа, решившая сама спуститься сюда, вместо того чтобы попросить меня. Я с подозрением уставился на груды хлама и рухляди, терзаясь вопросом, какие еще тайны погребены под ними.

Ощущая, сколь скверное направление приняли мои мысли, я только вздохнул. Слова письма прожигали мозг подобно брызгам кислоты. Я поклялся себе, что не стану копаться в ящиках в поисках связок надушенных писем этого типа. Мгновение спустя я непременно нарушил бы клятву, но вовремя услышал шаги на лестнице: кто-то еще спускался в подвал. Подняв голову, я обнаружил Фермина, с гримасой отвращения созерцавшего унылый антураж.

– Послушайте, тут смердит, как от покойника. Вы уверены, что в одном из старых ящиков с выкройками для вязания не лежит забальзамированное тело матушки Мерседитас?

– Раз уж вы здесь, помогите мне вытащить коробки, которые понадобились отцу.

Фермин засучил рукава, выражая готовность приняться за дело. Я указал ему на две коробки с эмблемой издательства «Вертисе», и мы взяли по одной.

– Даниель, вы выглядите хуже меня. Что-то случилось?

– Наверное, надышался миазмами подвала.

Мои потуги отделаться шуткой не сбили Фермина с толку. Я поставил ящик на пол и уселся на него.

– Можно задать вам вопрос, Фермин?

Фермин опустил свою ношу и тоже приспособил ее в качестве табурета. Я беспомощно поглядел на него: мне хотелось начать говорить, но я не мог выдавить из себя ни слова.

– Альковные проблемы? – спросил он.

Я вспыхнул, смутившись от того, как хорошо меня знает друг.

– Вроде того.

– Сеньора Беа, благословеннейшая из женщин, не имеет вкуса к любовным битвам, или же, напротив, аппетит ее слишком велик и вам с трудом удастся

утолить ее острый голод? Полагаю, у женщин, родивших ребенка, в крови взрывается гормональная атомная бомба. Удивительно, как они не сходят с ума в первые двадцать секунд после родов. Воистину это одна из величайших загадок природы. Я знаю о таких вещах, поскольку после белого стиха меня более всего увлекает как раз акушерство.

- Нет, ничего подобного. Насколько мне известно.

Фермин с удивлением воззрится на меня.

- Я вынужден попросить никому не передавать содержание нашего разговора.

Фермин торжественно перекрестился.

- Недавно я совершенно случайно нашел письмо в кармане пальто Беа.

Сделанная мной пауза, похоже, не произвела на него никакого впечатления.

- И что?

- Письмо от бывшего жениха.

- Корабельщика? А разве он не отбыл в Эль-Ферроль-Каудильо[18 - Такое название носил испанский город Ферроль (Галисия) с 1938 по 1982 год, будучи переименован в честь Франсиско Франко, уроженца Ферроля, правившего Испанией в 1936–1975 гг.] делать героическую карьеру как истинный папенькин сынок?

- Я тоже так думал. Но оказалось, что в свободные минуты он строчит любовные письма моей жене.

Фермин моментально взвился.

- Вот сучий потрох, - процедил он сквозь зубы с яростью, намного превосходившей мою.

Я вынул из кармана письмо и протянул ему. Прежде чем открыть конверт, Фермин обнюхал его.

– Мне мерещится, или эта свинья шлет надушенные письма? – задал он вопрос.

– Я не обратил внимания, но меня данный факт не удивил бы. Вполне в его духе. Но это еще цветочки. Читайте, читайте...

Фермин принялся читать, бормоча себе под нос и качая головой.

– Этот красавчик не только ничтожество и подлец, но еще и отъявленный пошляк. Каково! Он, видишь ли, «целует в губы другую женщину»! Да за одну такую фразу его следовало бы посадить на ночь в кутузку.

Я спрятал письмо, пристально разглядывая пол.

– Уж не хотите ли вы мне сказать, что подозреваете сеньору Беа? – недоверчиво уточнил Фермин.

– Нет, разумеется, нет.

– Лицемер.

Я вскочил и принялся описывать круги по подвалу.

– А как поступили бы вы, если бы вдруг обнаружили подобное письмо в кармане Бернарды?

Фермин тщательно обдумал вопрос.

– Как я поступил бы? Я отнесся бы с доверием к матери своего сына.

– Отнеслись с доверием?

Фермин кивнул.

– Не обижайтесь, Даниель, но вы столкнулись с типичной проблемой мужчины, женатого на первоклассной женщине. Сеньора Беа в моих глазах была и будет святой, но она, что называется, пальчики оближешь. Поэтому нетрудно предугадать, что за ней всегда будут волочиться развратники, недотепы, наглецы и прочая шушера всех мастей. Дело обыкновенное. Не важно, есть у такой женщины муж и ребенок или нет, примат в костюме, коего мы благодушно называем «homo sapiens», или человек разумный, всегда подстерегает ее. Вы-то, наверное, и не замечали, но я готов спорить на последние штаны, что мужчины слетаются на вашу святую супругу быстрее, чем мухи на горшок меда на апрельской ярмарке. Этот идиот – всего лишь ощипанный петух, который хорохорится в надежде, что ему что-нибудь перепадет. Имейте в виду, что женщина, у которой порядок в голове и под юбкой, птиц такого пошиба видит издалека.

– Вы уверены?

– Само собой. Вы серьезно считаете, что если бы донья Беатрис захотела вильнуть на сторону, она стала бы дожидаться, пока жалкий недоумок начнет подкатывать к ней перегретые шары, пытаясь соблазнить? Поймите, если ее не провожает с десятков кавалеров всякий раз, когда она выходит погулять с ребенком или проветриться, значит, рядом просто никого нет. Поверьте, я знаю, о чем говорю.

– Пожалуй. С вашей точки зрения я ситуацию не рассматривал, и я совсем не уверен, что нарисованная вами картина меня успокаивает.

– Послушайте, все, что от вас требуется, – это вернуть письмо на место, в карман пальто, и выбросить из головы лишние мысли. И даже не заикайтесь о письме своей сеньоре.

– Вы бы так и сделали?

– Лично я нашел бы этого племенного бычка и разукрасил так, что, когда его срамные части выдернули бы из его же затылка, у него осталось бы единственное желание – немедленно уйти в монастырь. Но я – это я, а вы есть вы.

Тоска охватила мою душу, расплываясь и растекаясь в груди, словно масляное пятно в чистой воде.

– Боюсь, вы не помогли мне, Фермин.

Он пожал плечами и, подхватив тяжелую коробку с книгами, взбежал по лестнице, пропав из виду.

Остаток утра мы посвятили текущим делам в магазине. Серьезно поразмышляв над историей с письмом, спустя некоторое время я пришел к выводу, что Фермин совершенно прав. Хотя так и не сумел решить, в чем именно он был прав: в том, что нужно довериться любимой женщине и не волноваться напрасно или в том, что необходимо навестить пакостника и вылепить ему новое лицо? Календарь, висевший над прилавком, сообщал, что на дворе двадцатое декабря. У меня в запасе был еще месяц, чтобы разобраться с этим вопросом.

День прошел оживленно, покупки клиенты делали скромные, зато без перерыва. Фермин не упускал ни малейшей возможности, чтобы воспеть хвалу отцу за находчивость: вертеп и младенец Иисус, обликом напоминавший баскского штангиста, имели заметный успех.

– Вижу, что в искусстве торговли вам нет равных, посему удаляюсь в подсобку, чтобы привести в божеский вид коллекцию, которую на днях нам передала вдова.

Воспользовавшись благоприятным моментом, я последовал за Фермином в подсобное помещение и задернул за спиной занавеску. Фермин посмотрел на меня с оттенком беспокойства. Я миролюбиво улыбнулся ему.

– Я просто хочу вам помочь.

– Как угодно, Даниель.

Какое-то время мы молча распаковывали коробки и раскладывали книги стопками, сортируя их по жанрам, размеру и состоянию. Фермин не раскрывал рта, старательно избегая моего взгляда.

– Фермин...

– Я ведь уже сказал, что вам нечего беспокоиться из-за письма. Ваша супруга не какая-нибудь вертихвостка, и в тот день, когда она пожелает оставить вас с носом, – дай Бог, чтобы он никогда не наступил, – она заявит вам об этом прямо, без пошлых интриг.

– Я понял вашу мысль, Фермин. Но речь не о том.

Фермин поглядел на меня с тоскливым выражением, не ожидая ничего хорошего.

– Мне показалось, что после закрытия магазина мы с вами могли бы поужинать вместе, – начал я, – а заодно побеседовать о делах. Например, о посетителе, приходившем вчера. Или о том, что не дает вам покоя. Чует мое сердце, между вчерашним стариком и вашим скверным настроением существует связь.

Фермин положил на стол книгу, с которой вытирал пыль, удрученно взглянул на меня и вздохнул.

– Я попал в переделку, Даниель, – выдавил он наконец. – В ловушку, из которой не знаю, как выбраться.

Я положил руку ему на плечо. Под тканью халата прощупывались лишь кожа да кости.

– Тогда позвольте помочь вам. Разделенная ноша вдвое легче.

Он недоуменно нахмурился.

– Нет сомнений, что мы с вами справлялись и с худшими неприятностями, – убеждал его я.

Фермин печально улыбнулся. Предложенное мной средство его не обнадежило.

– Вы хороший друг, Даниель.

«И вполонину не так хорош, как он того заслуживает», – подумал я.

12

В те времена Фермин по-прежнему жил в старом пансионе на улице Хоакина Косты, где, как мне стало известно из достоверного источника, остальные обитатели в тайном тесном сотрудничестве с Росиито и ее товарками готовили для него прощальную холостяцкую вечеринку, которая обещала прогреметь на века.

Я зашел за Фермином в начале десятого вечера. Он уже поджидал меня у подъезда.

– Откровенно говоря, мне не очень-то хочется есть, – признался он, увидев меня.

– Жаль. А я думал, что мы заглянем в «Кан льюис», – забросил я удочку. – Сегодня в меню отварной нут и сар-і-pota[19 - Рагу из свиной головы и ножек.]...

– Пожалуй, не следует упускать шанс, – согласился Фермин. – Хорошее кушанье подобно цветущей девушке – не всякий способен распробовать его вкус.

Приняв в качестве девиза этот перл из коллекции афоризмов непревзойденного дона Фермина Ромеро де Торреса, мы неторопливо прогулялись до ресторана, который мой друг почитал одним из лучших в Барселоне, да и в остальном мире. «Кан льюис» находился в доме номер сорок девять по улице Сера, в одном шаге от зланных мест Равалья. Оформленный нарочито просто, с интерьером, пропитанным духом тайны старой Барселоны, «Кан льюис» предлагал превосходную кухню, примерное обслуживание и цены, приемлемые даже для нас с Фермином. В середине недели по вечерам в зале обычно собиралась богемная публика, включая артистов, заядлых театралов, литераторов и прочих людей большого и малого достатка, дружно поднимавших бокалы.

Первый, кого мы увидели, переступив порог ресторана, был завсегдатай нашего букинистического магазина профессор Альбукерке, который ужинал у барной

стойки, бегло просматривая выпуск ежедневной газеты. Местный мудрец и мыслитель, преподаватель факультета филологии, тонкий критик и журналист, он чувствовал себя в этом ресторане как дома.

– Отрадно видеть вас в добром здравии, профессор, – обратился я к нему, проходя мимо. – Интересно, когда же вы нас посетите, чтобы пополнить запасы духовной пищи, ибо, поглощая одни только газетные заголовки «Вангардии», человек выжить не способен.

– Пожалуй, это было бы недурственно. Меня уже воротит от чтения дипломных работ – всей той дребедени, которую понаписали нынешние спесивые оболтусы и от которой у меня, кажется, развивается дислексия.

В этот момент официант подал профессору десерт: пышный флан[20 - Десерт из взбитых яиц, молока и сахарной карамели.], который величаво покачивался, роняя слезы жженого сахара и распространяя волшебный аромат ванили.

– Вкус к жизни обязательно вернется к вашей милости вместе с парой ложек этого восхитительного блюда, которое колыхнется так же аппетитно, как груди доньи Маргариты Ксиргу[21 - Маргарита Ксиргу (1888–1969) – известная испанская актриса и режиссер.], – заметил Фермин.

Ученый профессор, воодушевленный образным сравнением Фермина, посмотрел на свой десерт с новой точки зрения и кивнул, завороченный чудным зрелищем. Мы оставили мыслителя смаковать сахарные прелести театральной примы и уютно устроились за укромным столиком в дальнем углу зала. Вскоре нам принесли обильный ужин, который Фермин бодро смолотил с проворством сельскохозяйственного комбайна.

– Я думал, у вас нет аппетита, – проронил я.

– Это все мышцы, они требуют калорий, – пояснил Фермин, полируя до блеска тарелку последним кусочком хлеба, оставшимся в корзинке. А мне-то казалось, что его снедает черная тоска!

Обслуживавший нас официант Пере подошел узнать, как у нас обстоят дела. Увидев, что Фермин поработал на славу, Пере протянул ему десертное меню:

– Немного сладкого, чтобы достойно завершить день, маэстро?

– Пожалуй, я не отказался бы от парочки порций вашего фирменного флана, такого же роскошного, как вы сегодня подавали. И если можно, положите на каждый флан по красивой спелой вишенке, – попросил Фермин.

Пере принял заказ и поделился с нами новостью: хозяин ресторана, услышав, как Фермин расхваливал изысканную прелесть флана, употребив для его описания весьма меткую метафору, решил отныне окрестить это блюдо «маргаритой».

– Мне хватит кофе с молоком, – сказал я.

– Шеф угощает вас десертом и кофе за счет заведения, – ответил Пере.

Мы отсалютовали бокалами с вином хозяину, который нес вахту за барной стойкой, ведя беседу с профессором Альбукерке.

– Славные люди, – пробормотал Фермин. – Порой забываешь, что на этом свете живут не одни только подонки.

Меня поразила безысходная горечь, вдруг прорезавшаяся в его тоне.

– Почему вы так говорите, Фермин?

Мой друг пожал плечами. Вскоре на нашем столе появились фланы, сладострастно трепетавшие и увенчанные алыми вишенками.

– Напоминаю, что скоро вы женитесь, и тогда вам придется завязать с «маргаритами», – подколот его я.

– Горе мне, – сказал Фермин. – Я изошел дымом. Я уже совсем не тот, что прежде.

– Все мы изменились.

Фермин с наслаждением лакомясь фланом.

- Где-то я читал, что по сути своей мы никогда и не были такими, как прежде, и наши иллюзии – это всего лишь воспоминания о том, чего никогда не существовало... – промолвил Фермин.

- Так начинается роман Хулиана Каракса, – подсказал я.

- Верно. Как сложилась судьба старины Каракса? Вы не задумывались об этом?

- Думаю постоянно.

Фермин улыбнулся, вспоминая наши прошлые похождения. Указав мне на грудь пальцем, он состроил вопросительную мину:

- Все еще болит?

Я расстегнул пару пуговиц на рубашке и продемонстрировал ему шрам, оставленный пулей инспектора Фумеро, которая пробила меня когда-то насквозь в руинах «Ангела тумана».

- Иногда.

- Старые раны не заживают, так ведь?

- Полагаю, что заживают и вновь открываются. Фермин, посмотрите мне в глаза.

Ускользящий взгляд Фермина сфокусировался на моем лице.

- Вы можете рассказать, что все-таки с вами происходит?

Он замялся на мгновение.

- Вы знаете, что Бернарда беременна? – спросил он.

- Нет, – солгал я. – Вас именно это беспокоит?

Фермин покачал головой, доедая вторую порцию флана и выскребая чайной ложкой последние молекулы сахарной карамели.

– Она не хотела пока мне говорить, потому что боится, бедняжка. Что касается меня, то я стану счастливейшим человеком на земле.

Я пристально поглядел на него.

– Не стану вас обманывать, в настоящий момент со стороны вы совершенно не похожи на счастливчика. Вы нервничаете из-за свадьбы? Вам не по себе от того, что придется идти в церковь и все такое?

– Нет, Даниель. Правда в том, что я весь в предвкушении, пусть даже без священников не обойтись. Я каждый день готов жениться на Бернарде снова и снова.

– В чем же тогда дело?

– Вы знаете, что спрашивают первым делом у человека, собравшегося жениться?

– Имя, – ответил я без запинки.

Фермин медленно кивнул. До сих пор я совершенно об этом не задумывался, но теперь вдруг понял, с какой дилеммой столкнулся мой верный друг.

– Вы помните, Даниель, о чем я рассказывал вам несколько лет назад?

Я помнил превосходно. Во время гражданской войны в результате происков инспектора Фумеро, который до того, как сделать ставку на фашистов, служил наемным мясником коммунистов, мой друг угодил в тюрьму, где едва не лишился рассудка и жизни. Чудом уцелел и вырвавшись на свободу, он решил взять чужое имя, полностью стерев свое прошлое. Побывав одной ногой в могиле, он решил стать другим человеком и позаимствовал имя, которое прочитал на старой афише, объявлявшей о корриде на арене «Монументаль». Так появился на свет Фермин Ромеро де Торрес – человек, создававший свою жизнь с чистого листа изо дня в день.

– Вот почему вы не захотели заполнить документы в викариате, – промолвил я. – Причина в том, что вы не можете воспользоваться именем Фермина Ромеро де Торреса.

Фермин подтвердил мою догадку.

– Послушайте, я уверен, что мы найдем способ сделать вам новые документы. Помните лейтенанта Паласиоса? Он уволился из полиции и теперь преподает физкультуру в колледже в Бонанова. Но порой он навещает наш магазин поболтать о том о сем. Однажды он обмолвился, что ныне сложился весьма обширный черный рынок документов, обслуживающий тех, кто провел годы в эмиграции и теперь желает вернуться в страну. По его словам, он лично знаком с одним печатником, владельцем мастерской неподалеку от казарм Атарасанос, у которого есть хорошие связи в полиции, и за сотню песет он выправит кому угодно любое удостоверение личности и зарегистрирует его как положено.

– Я знаю, о ком речь. Его звали Эредиа. Художник.

– Звали?

– Пару месяцев назад его тело выловили в порту. Говорят, он выпал из моторной лодки по пути к волнорезам. Со связанными за спиной руками. Фашистские шуточки.

– Вы с ним встречались?

– Были у нас кое-какие делишки.

– Следовательно, если у вас на руках документы, удостоверяющие, что вы Фермин Ромеро де Торрес...

– Эредиа оформил мне их в тридцать девятом, в самом конце войны. Тогда это было намного проще сделать. Все смешалось, творилась ужасная неразбериха, и когда люди сообразили, что корабль тонет, за два дура вам продали бы и дворянский герб.

– Почему же в таком случае вы не можете воспользоваться собственным именем?

– Потому что Фермин Ромеро де Торрес умер в 1940 году. То были лихие времена, намного хуже нынешних, Даниель. Тот бедняга не протянул и года.

– Умер? Где? Как?

– В тюрьме, в крепости Монтжуик. В камере номер тринадцать.

Тотчас в памяти всплыла дарственная надпись, адресованная Фермину, которую сделал зловещий незнакомец на титульном листе романа «Граф Монте-Кристо»:

«Фермину Ромеро де Торрес, который восстал из мертвых и хранит ключ от будущего.

13».

– Тогда, в тот давний вечер, я поведал вам малую часть своей истории, Даниель.

– Я думал, вы мне доверяете.

– Лично я слепо доверил бы вам свою жизнь. Дело в другом. Я рассказал вам лишь толику правды потому, что хотел уберечь вас.

– Убережь? Меня? От чего же?

Фермин спрятал глаза, подавленно понурившись:

– От правды, Даниель... От настоящей правды.

Часть вторая

Барселона, 1939 год

Новых заключенных привозили по ночам. Черные машины и грузовики трогались со двора комиссариата на виа Лаетана и ехали в тишине через весь город; их будто никто не замечал или не осмеливался замечать. Транспорт Социально-политической бригады поднимался по старой дороге, по склону горы Монтжуик. Многие потом рассказывали, что, различив силуэт крепости, который вырисовывался в вышине на фоне армадой плывших с моря черных туч, они осознавали, что не выйдут оттуда живыми.

Крепость прилепилась к скалам на самой вершине горы и словно парила в небе между морем на востоке, ковром теней, расстилавшимся на севере, и бескрайним городом мертвых на юге – древним кладбищем Монтжуик. Его миазмы поднимались по скалам и просачивались сквозь трещины в камнях, между прутьев решеток на окнах камер. Перед тем замок использовали как военный форт и плацдарм для бомбардировок города. Но вскоре после падения Барселоны (в январе) и окончательного разгрома республики (в апреле) в нем молчаливо поселилась смерть. Жители Барселоны, оказавшиеся в тенетах самой долгой ночи за всю ее историю, старались не смотреть на небо, чтобы не видеть очертаний крепостных стен на вершине горы.

Политическим заключенным по прибытии присваивали номер, и обычно он соответствовал номеру камеры, где им предстояло отныне томиться и, возможно, умереть. Для большинства «жильцов» – тюремщикам нравилось так именовать арестантов – путь в крепость становился дорогой с односторонним движением. В ночь, когда «жильца» номер тринадцать привезли в Монтжуик, дождь лил как из ведра. Струйки мутной воды, стекая по стене, оплетали тонкой сетью сосудов каменную кладку, воздух был пропитан пряным запахом сырой земли. Два офицера отвели прибывшего в комнату, где не оказалось никакой мебели, кроме железного стола и стула. С потолка свисала на шнуре

электрическая лампочка, тускневшая, когда напряжение падало. Арестованный ждал около получаса, оставаясь на ногах в промокшей одежде под охраной конвоира, вооруженного винтовкой.

Наконец из коридора донеслись шаги, дверь открылась, и появился молодой человек, вряд ли достигший тридцатилетия. Он был одет в отутюженный шерстяной костюм и благоухал одеколоном. Вид этот господин имел отнюдь не бравый и совсем не походил ни на кадрового военного, ни на офицера полиции. Облик его казался располагающим благодаря мягким чертам и добродушному выражению лица. Арестант подумал, что тот отлично вжился в роль, ибо всем своим видом он изображал смирение человека, угнетенного бременем занимаемой должности и навязанной ему ролью. Но его выдавали глаза: голубые и колючие, отливавшие сталью и понаторевшие в подозрительности и алчности. Надежно спрятанная под маской подчеркнутой любезности и лощеных манер, его истинная сущность проявлялась только в остром и цепком взгляде.

За стеклами круглых очков глаза молодого человека казались больше, а набриолиненные волосы, зачесанные назад, придавали ему вид слегка жеманный и совершенно неуместный в той безрадостной обстановке, где зло витало в воздухе. Франт сел за стол и раскрыл папку, которую принес с собой. Бегло просмотрев ее содержимое, он сложил руки и, подперев подбородок кончиками пальцев, устремил на арестанта испытующий взор.

– Простите, но мне кажется, что произошло недоразумение...

Удар прикладом в живот вышиб из арестованного дух, и, скрючившись, бедняга упал на пол.

– Открывать рот, только когда господин комендант тебя спрашивает! – прикрикнул охранник.

– Встать, – дрогнувшим голосом приказал господин комендант, еще не научившийся отдавать команды по-военному четко.

Арестованный с усилием встал на ноги и наткнулся на недовольный взгляд коменданта.

– Имя?

– Фермин Ромеро де Торрес.

Арестант заглянул в холодные голубые глаза и прочитал в них презрение и безразличие.

– Что это за имя? Ты принимаешь меня за идиота? Назови свое имя, настоящее имя.

Арестованный, тщедушный и крайне изможденный человек, протянул свое удостоверение личности господину коменданту. Охранник вырвал документ у него из рук и подал на стол. Господин комендант вскользь взглянул на бумагу и с усмешкой прищелкнул языком.

– Еще один от Эредиа, – проворчал он, выбрасывая удостоверение в мусорную корзину. – Эти бумажки недействительны. Ты намерен сообщить свое имя, или нам придется взяться за тебя всерьез?

«Жилец» номер тринадцать попытался что-то произнести, но у него так сильно затряслись губы, что вместо слов получилось невнятное бормотание.

– Да не бойся ты так, мы ведь не людоеды. Что тебе наплели? Слишком много развелось краснобаев, которые самозабвенно распространяют клеветнические домыслы о нас там, в городе. Но в действительности к людям, которые идут нам навстречу, здесь относятся хорошо, не забывают о том, что они тоже испанцы. Ну-ка раздевайся.

Арестованный растерялся и замешкался. Сеньор комендант потупился, словно застопорившееся действие его утомило и только упрямство заключенного мешало ему покинуть подмости. В следующую секунду охранник нанес пленнику новый удар прикладом, на сей раз по почкам, снова сбив его с ног.

– Ты слышал, что сказал господин комендант? Заголяйся! Мы не намерены сидеть тут всю ночь.

«Жилец» номер тринадцать с трудом сумел приподняться и так, стоя на коленях, стал снимать с себя грязную и окровавленную одежду. Как только он разделся донага, охранник ткнул его под подбородок дулом винтовки и заставил

встать. Господин комендант поднял взор от крышки стола, и на лице его проскользнуло выражение отвращения, когда он увидел ожоги, покрывавшие торс, ягодицы и бедра пленника.

- Похоже, этот вояка – старый знакомый Фумеро, – заметил охранник.

- Замолчите вы! – неуверенно прикрикнул господин комендант.

Он с нетерпением поглядел на арестованного и увидел, что тот плачет.

- Эй, перестань рыдать и скажи, как тебя зовут.

Пленник шепотом повторил свое имя:

- Фермин Ромеро де Торрес...

Господин комендант вздохнул, не скрывая досады:

- Послушай, ты испытываешь мое терпение. Я готов помочь тебе, а ты вынуждаешь меня делать то, чего мне вовсе не хочется, – а именно связаться с Фумеро и сообщить ему, что ты у нас.

Пленник заскулил, словно израненная собака, и затрясся всем телом. Коменданту явно не нравилось происходящее. Он искренне желал поскорее покончить с процедурой, поэтому, обменявшись взглядом с охранником и не тратя попусту слов, ограничился тем, что вписал в анкету имя, названное арестованным, и выругался вполголоса.

- Будь проклята эта война, – пробормотал он, когда арестанта увели в камеру, протащив голым по коридорам, где на полу стояли лужи.

Прямоугольная камера была темной и сырой, с пробитой в скале крошечной отдушиной, через которую поступал свежий воздух. Зарубки и надписи, вырезанные прежними «жителями», покрывали стены. Люди писали имена, даты или оставляли другие свидетельства своего существования. Кто-то из несчастных истово выцарапывал кресты в темноте, но Господь их, похоже, не замечал. Железные прутья, запиравшие камеру, были источены коррозией и оставляли на ладонях налет ржавчины.

Фермин скрючился на тюремной койке, пытаясь прикрыть наготу куском рваной дерюги, которая, видимо, служила и одеялом, и матрацем, и подушкой. Сумрак окрашивался в медные тона, словно во тьме растворился слабый отблеск угасающей лампы. Вскоре глаза привыкли к вечной мгле, а слух обострился настолько, что стал улавливать малейший шорох сквозь монотонную капель и отголоски ветра, сквозившего в щели.

Фермин провел в камере около получаса, когда взор его различил в дальнем углу бесформенный предмет, напоминавший куль. Фермин встал и, робко приблизившись к свертку, увидел грязный парусиновый мешок. Холод и сырость пробирали до костей, и хотя запах, исходивший от тюка, испещренного темными пятнами, не сулил ничего хорошего, Фермин подумал, что найдет внутри арестантскую робу (никто так и не позаботился выдать ему одежду), а если повезет, то и одеяло, чтобы укрыться. Он опустился рядом с мешком на колени и распутал узел, стягивавший горловину.

Фермин отвернул край парусины, и в дрожащем свете едва теплившихся в коридоре лампочек открылось лицо, показавшееся в первое мгновение лицом манекена – куклы для демонстрации костюмов, которые портные любят выставлять в витринах. Но тошнотворная вонь наводила на мысль, что перед ним вовсе не манекен. Зажав нос и рот ладонью, Фермин стащил с него мешок и резко попятился, отступая до тех пор, пока не уперся спиной в стену камеры.

Умерший, мужчина неопределенного возраста (ему можно было дать от сорока до семидесяти пяти лет), весил всего килограммов пятьдесят. Длинные волосы и седая борода укутывали большую часть исхудавшего торса. Костлявые руки и пальцы с длинными скрюченными ногтями напоминали птичьи лапы. Роговица в широко открытых глазах мертвеца как будто сморщилась, словно кожица перезревших фруктов. Из полуоткрытого рта вываливался распухший почерневший язык, прикушенный гнилыми зубами.

– Снимите с него одежду прежде, чем труп унесут, – раздался голос из камеры, находившейся по другую сторону коридора. – Тюремную робу вам выдадут только через месяц.

Фермин прозондировал взглядом темноту и уловил в глубине противоположной камеры блеск глаз человека, наблюдавшего за ним со своей койки.

– Не бойтесь, этот несчастный уже никому не причинит вреда, – убеждал его незнакомец.

Фермин кивнул и отважился снова приблизиться к трупу, толком не понимая, как доведет до конца задуманную операцию.

– Простите меня, – прошептал он усопшему. – Покойтесь с миром, и да смилостивится над вами Господь.

– Он был атеистом, – сообщил тот же голос.

Фермин вздохнул и оставил церемонии. Холод, наполнявший каменную клеть, донимал немилосердно, недвусмысленно намекая, что в этой юдоли скорби условностям нет места. Фермин задержал дыхание и принялся за дело. От одежды разило гниющей плотью так же отвратительно, как и от покойника. Трупное окоченение уже распространилось на все члены, поэтому раздеть труп оказалось намного сложнее, чем предполагал Фермин. Стащив с него тряпки, Фермин позаботился вновь укутать тело парусиной и завязал мешок морским узлом, с которым не сумел бы справиться даже великий Гудини. Облачившись в вонючие лохмотья, Фермин снова съежился на узкой кровати, задаваясь вопросом, скольких владельцев успело сменить это рубище.

– Спасибо, – сказал он в темноту после паузы.

– Не за что, – отозвался голос по ту сторону коридора.

– Фермин Ромеро де Торрес, к вашим услугам.

– Давид Мартин.

Фермин наморщил лоб: имя показалось ему знакомым. Целых пять минут он тасовал затертые карты воспоминаний и эпизоды из своей жизни, как вдруг забрезжил свет, и в памяти всплыли счастливые вечера, когда ему удавалось улучшить время и посидеть в уголке библиотеки на улице Кармен, глотая с жадностью приключенческие романы с броскими названиями. Они выходили в серии с яркими обложками.

– Мартин? Писатель? Автор «Города проклятых»?

В темноте послышался вздох.

– В этой стране больше не уважают тайну псевдонима.

– Прошу прощения за бестактность. Дело в том, что я относился с глубочайшим пиететом к вашим книгам, рассматривая их как инструмент познания с точки зрения схоластики. Так получилось, что мне стало известно, что именно вы водили пером великого Игнатиуса Б. Самсона...

– К вашим услугам.

– О, послушайте, сеньор Мартин, как приятно познакомиться с вами, хоть и при столь плачевных обстоятельствах, поскольку я много лет являюсь вашим горячим поклонником...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Говорит (лат.). – Здесь и далее примеч. пер.

2

Песнопения в одном из стилей фламенко.

3

Город в Каталонии, где родился композитор Исаак Альбенис.

4

Артур Рэкхем (1867–1939) – английский художник-график.

5

Литературный псевдоним (фр.).

6

Общее название легких закусок.

7

Мясной салат с зеленью и сладким перцем.

8

На крайний случай (лат.).

9

Город вблизи Мадрида.

10

Гоминиды (лат. *hominidae*) – большие человекообразные обезьяны, относятся к семейству высоко развитых приматов, к этому семейству принадлежит и человек.

11

Или манчего – твердый овечий сыр.

12

Ладислав Кубала (1927–2002) – венгерский, чехословацкий и испанский футболист и тренер.

13

Родриго Диас де Бивар (1040(44?)–1099) – Эль Сид Кампеадор, полководец и политик, легендарный герой Реконкисты, известны два меча Сиды – Тисона (более знаменитый клинок) и Колада.

14

Хуан Альварес Мендисабаль (1790–1853) – испанский политик, участник буржуазных революций. Занимая пост министра финансов, проводил политику деэкономизации, т. е. распродажи земель, принадлежавших церкви.

15

Каганеры – фигурки человечков, справляющих большую нужду. Часто такие статуэтки изображают известных людей. Дарить и ставить каганеры в вертеп является распространенной традицией в Каталонии.

16

Специальная сковорода с двумя ручками для приготовления национального испанского блюда – паэлья.

17

Принадлежности (ит.).

18

Такое название носил испанский город Ферроль (Галисия) с 1938 по 1982 год, будучи переименован в честь Франсиско Франко, уроженца Ферроля, правившего Испанией в 1936–1975 гг.

19

Рагу из свиной головы и ножек.

20

Десерт из взбитых яиц, молока и сахарной карамели.

21

Маргарита Ксиргу (1888–1969) – известная испанская актриса и режиссер.

Купити: <https://tellnovel.com/karlos-safon/uznik-neba>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)